

Фантастический бестселлер

Наследник Пола Андерсона и Гарри Гаррисона

НИЛ ЭШЕР

ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

Агент Кормак

Нил Эшер

Звездный рубеж

2003

Эшер Н.

Звездный рубеж / Н. Эшер — 2003 — (Агент Кормаку)

Масада – планета, на которой царит власть Теократии. С целью спровоцировать на планете восстание и включить ее в зону, контролируемую Правительством человечества, Центральная служба безопасности Земли направляет туда крейсер «Бритва Оккама». Корабль захватывает Скеллор, бежавший с Земли ученый, переделавший свой организм с помощью технологий, позаимствованных у древней цивилизации джайнов. Яну Кормаку, агенту службы безопасности, и его друзьям удается покинуть крейсер и высадиться на Масаду, где они принимают участие в восстании, поднятом силами Сопротивления. Тем временем Скеллор направляет корабль на планету, намереваясь уничтожить ее...

Содержание

ПРОЛОГ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Нил Эшер

Звездный рубеж

Как всегда, я благодарю Кэролайн за одобрение и поддержку даже во время моих лекций или категоричных тирад относительно сюжетных линий; Питера Лейвери за рассудительность и щедрое покровительство; Стефани Бирверф за действенную помощь; Стива Ролингса, Ричарда Огла и Джеймса Нолливелла за умопомрачительные обложки; Ажейсона Купера и Шанталь Ноэль за распространение моих книг в Америке и Германии; и всех остальных за их тяжкий труд.

Также спасибо людям, занимающимся трансплантацией в исследовательских учреждениях и лабораториях по всему миру: тем, кто в конце концов лишат бизнеса изготовителей инвалидных кресел, восстановят потерянное зрение и создадут искусственные конечности, если не найдут способов вырастить новые; изобретут или отыщут лекарства от рака и других болезней – в общем, приблизят будущее пусть даже в тех незначительных аспектах, которые я попытался представить.

ПРОЛОГ

Уже во второй раз за сегодняшнее утро Эльдина почувствовала слабость и головокружение – не собирается ли сколь сбросить «листочки»? Она оттянула ворот рубашки, чтобы проверить состояние своего постоянного спутника, снабжавшего ее кровь кислородом в обмен на питательные вещества. Складки между темно-коричневыми сегментами-ножками, которыми это создание, похожее на огромных размеров тлю, цеплялось за ее грудь, стали пурпурными. Значит, симбионт, готовясь к размножению, усиленно питается. Эльдина бросила взгляд в сторону квадратных прудов – начальник смены Улат оживленно разговаривал с проктором Болюсом, второго было легко узнать по белой униформе – и сделала неутешительный для себя вывод: сейчас не самое подходящее время просить о переводе на легкую работу. Стиснув зубы, она с усилием подняла корзину и двинулась вперед.

Сквермы были еще сонными, однако их благодушное настроение быстро изменилось, когда девушка стала разбрасывать гранулы сушеной свинины, их излюбленное лакомство. Тем же занимались рабочие, стоя у прудов, в шахматном порядке располагавшихся до самого горизонта, над которым уже всходил на фоне солнца газовый гигант Калипсо. Многочисленные отражения планеты переливались красным, золотистым и опалово-зеленым цветами; когда сквермы в каком-нибудь из прудов жадно набрасывались на корм, нарушая невозмутимую поверхность воды своими движениями, отражения временно пропадали. Безусловно, красивое зрелище, но у Эльдины уже не осталось сил любоваться им.

Опустив корзину на землю у очередного пруда, девушка закрепила сачок и щуп возле водослива и принялась наблюдать за происходящим в воде. Все сквермы в этом пруду были метровой длины и толщиной с ее руку; их чешуйки, казавшиеся отштампованными на каком-нибудь ювелирном заводе, отливали металлически-неживым блеском. Хвост каждого существа заканчивался длинным яйцекладом, который представлял определенную опасность для человека, так как мог проникнуть в плоть и даже разрушить кость. Голова была чуть шире в той части, где находился пучок стекловидных щупальцев, похожих на крючья, – ими скверм захватывал пищу, чтобы затем дать работу дисковидным челюстям. Эти щупальца были не так опасны, как яйцеклад, но вполне могли содрать кожу с руки зазевавшегося рабочего.

Эльдина бросила в пруд горсть мясных хлопьев, и вода словно вскипела, когда сквермы накупились на еду; их тела сверкали в утреннем свете, а блестящие щупальца двигались взад-вперед. Вторая порция вызвала еще большее возбуждение: некоторые сквермы едва ли не выпрыгивали из воды. После третьей их активность несколько снизилась.

"Только один дохлый в этом пруду, – с удовлетворением отметила Эльдина, – да и тот погиб совсем недавно – судя по тому, что сородичи пока игнорируют его".

Она взяла щуп, чтобы проверить, сможет ли достать издохшего скверма с берега, но труп плавал слишком далеко. Вздохнув, девушка надела армированные перчатки и ступила в воду. Водоросли путались под ногами, а сквермы пытались вонзить щупальца и яйцеклады в ее сапоги. Подцепив сдохшее животное щупом, Эльдина, однако, чуть не выронила его, когда один из сквермов неожиданно взвился вверх, шевеля щупальцами всего лишь в метре от ее лица, но затем шлепнулся в воду.

Таща за собой выловленное животное, девушка поспешно покинула пруд и остановилась на берегу среди зарослей дикого ревения, чтобы перевести дух и проглотить горькую слюну – привычное состояние в период активности сколи. Бросив скверма на поросший мхом участок возле дорожки, Эльдина опять взялась за корзину с кормом и направилась к следующему пруду. Она подберет тушку на обратном пути, когда обойдет все двенадцать закрепленных за ней прудов и израсходует запас мясных гранул.

Пока Эльдина тащилась к следующему пруду, она изредка поглядывала на небо – на мерцавшие искусственные спутники. Неужели там, в глубине космоса, как ей рассказывали, находятся удивительные миры и прочие чудеса? Однако ничего не было видно, кроме пересекавшихся траекторий спутников, напоминавших тюремную решетку.

Станции аутлинкеров располагались на краю то расширявшейся, то сжимавшейся пограничной зоны – буферной зоны человеческой цивилизации, так что для здешних миров юрисдикция Правительства была величиной переменной. Это был рубеж, за которым ни искусственный разум, ни законы уже не действовали; далее находились бесчисленные неисследованные миры. Рискуя жизнью, люди пытались проникнуть туда и познать неведомое, но подтвержденные факты по-прежнему терялись среди причудливых сказок и мифов.

К обитателям станций, нормально себя чувствовавшим лишь при низких значениях гравитации, жители миров Правительства относились настороженно, считая их чужаками, впрочем, сами станции представляли собой вполне самостоятельные сообщества. Каждая имела свои особенности, форму, обусловленные достижениями технологий и моды. Одни станции были сферическими, другие – яйцевидными, иные представляли собой просто группы блоков. Что касается "Миранды", то она походила на стебель кукурузы восьмикилометровой длины; многочисленные надстройки-"семена" свидетельствовали о ее долгой истории.

Апис Кулант был одним из самых экзотичных представителей своего семейства. Лишенный мускулатуры, он отличался особой щеделушностью и при силе тяжести больше четверти единицы наверняка не удержался бы на ногах, его позвоночник не был рассчитан на нормальные для обычного землянина нагрузки. Апис инстинктивно избегал общения с космическими путешественниками – те чаще всего встречались там, где гравитация равнялась единице. Впрочем, он старался как можно реже посещать и своих родственников, таких же безволосых и желтокожих, обустроивших свои жилища в отсеках между термоядерным оборудованием "Миранды". Но юноша не тяготился изоляцией: ему нравились одиночество и теплая наэлектризованная атмосфера в той части станции, где располагались генераторы магнитных полей.

Представители клана Кулантов большей частью заботились только о поддержании своего существования и довольствовались тем, что им мог предложить ИР, управлявший станцией и ее рансиблем, а именно: оборудование, удобрения для плавучих садилов и агроцилиндров, а также информацию – сплетни, слухи. Можно было обвинить их в инертности и даже глупости, но Апис считал, что это добровольный выбор каждого – позиция невмешательства и потребительское отношение к властям.

Апис Кулант еще учился, поэтому не занимал важную должность; его квалификация не позволяла ему соперничать со станционными дронами. Обучение шло быстро, и впереди маячило повышение: из простого регистратора показаний приборов он превратится в контролера тестирования и рекристаллизации. Но сегодня, продвигаясь между D-образными секциями отсека, он думал не о будущих служебных успехах, а вспоминал первый за свою четырнадцатилетнюю жизнь сексуальный опыт.

Для Кулантов полиандрия была в порядке вещей, и большинство женщин, не руководствуясь особой щепетильностью, обзаводились тремя и более мужьями. Женщины были крупнее и сильнее, поэтому процесс отбора мужчин превращался в испытание на выносливость последних. Первый муж, как правило, отличался крепким сложением и, соответственно, легче переносил суровое обращение. Процедура выбора второго и третьего супругов проходила более болезненно, так что Апис, едва достигший полового созревания да к тому же новичок в этом деле, получил множество синяков и теперь чувствовал себя слегка контуженным, а еще – смущенным и сбитым с толку.

Что там виднеется, рядом с одним из мерцающих экранов?

Прошло целых две минуты, пока Апис понял: что-то необычное происходит на одном из бездействующих коммуникационных пилонов. Юноша оттолкнулся от стойки и проскользнул перед экраном, чтобы ухватиться за другую, дальнюю стойку. Он знал наизусть каждый уголок и изгиб пилона – это входило в его обязанности, – поэтому появление среди якобы хаотичного нагромождения множества труб и прочих деталей чего-то бесформенного насторожило его. Здесь ничего не должно быть – как живого, так и неживого.

Жалея о том, что еще слишком молод для обладания модулем, Апис доложил через телефон-браслет:

– Апис Кулант, м-техник номер сорок семь. Аномалия на ком-пилоне три шесть восемь шесть-В. Ответьте.

– Эта антенна отключена, соответственно, не связана с системой, – отозвалась "Миранда". – Включаю визуальный режим. Да, действительно, там что-то есть. Отправляю дрон для сбора образцов.

– В этом нет необходимости. Я посмотрю сам, – ответил он, чувствуя возбуждение, какого не испытывал с... последнего периода планового сна.

Апис не только внешне отличался от остальных людей, он действительно был другим, потому что в свое время его предки чересчур увлеклись адаптогенными препаратами, а также рекомбинатной и прочими подобными ей технологиями. Вследствие этого у него отсутствовали поры, а ярко-желтая непроницаемая кожа к тому же в случае необходимости еще и отвердевала. Сфинктеры перекрывали ноздри и ушные отверстия, глаза защищали мембраны, похожие на стеклянные линзы. Юный Кулант мог задерживать дыхание целых пятьдесят минут.

И еще он мог находиться в вакууме.

Пройдя сквозь мерцающий экран, Апис выпустил почти весь воздух из легких, а затем слюна на его губах, превратившись в подобие смолы, плотно запечатала их. Тело несколько раздулось, потом его форма стабилизировалась.

Ухватившись за старые перила, прикрепленные к стене, юноша медленно двинулся в сторону пилона и спустя пять минут уже внимательно изучал его. Среди металлических подпорок на тонких волокнах висело что-то вроде плесени металлического зеленого цвета, по текстуре – как удалось определить на ощупь – напоминавшей дерево. Сначала Апис был озадачен, а потом испугался, заметив, что от плесени к некоторым из ближайших подпорок тянутся нити. Воспользовавшись специальными энергетическими ножницами, он ловко отрезал кусочек субстанции, потом приложил молекулярный тестер к подпорке, но она рассыпалась, едва тестер коснулся ее. Кулант дотронулся им до другой подпорки, и та тоже треснула – хрупкая, как обожженная кость. После того как от прикосновения тестера через мгновение распалась на куски третья подпорка, принимающая антенна-тарелка полетела вниз. Апис едва успел отскочить в сторону, а подпорки все продолжали рушиться. В панике он поспешил назад к мерцающему экрану. Хотя для четырнадцатилетнего юноши Кулант был развит не по годам, справляться с эмоциями ему еще предстояло научиться.

Придерживая левой рукой белокурого мальчика, пристроившегося на ее колене, женщина не без труда перевернула правой рукой страницу детской книжки и продолжила:

– "С братцем, что жил в домике из тростника, случилась настоящая беда. Однажды ночью герой остановился возле его дома..." И что же он сделал?

Ребенок потянулся и ударил по картинке пухлым пальчиком. На изображении существа, отдаленно напоминавшего болотную шпичу, появился отпечаток.

– Героин, – сказал он, широко распахнув глаза, удивленный собственными познаниями.

- Верно, так что же он сделал?
- Он клевал и клевал, клевал и клевал...
- И от этого домик развалился, – добавила женщина. – А теперь помнишь, о чем просил братец, когда его дом разрушил героин?
- Ее сын сосредоточенно нахмурился, а потом улыбнулся от восторга, предвкушая самый интересный момент.
- Не ешь меня! – воскликнул он.
- А как поступил героин?
- Он проглотил его! Он проглотил его! – ответил мальчик, подпрыгивая от возбуждения.

«Расскажите мне о вашей смерти еще раз». Всматриваясь в странное, розово-полосатое небо – новые глаза видели гораздо лучше, чем прежние, – он подбирал нужные слова. Поскольку память подчинялась его желаниям, он помнил все нюансы и мог живо представить каждую секунду своей кончины.

– Я увидел вспышку, луч поразил меня, и я упал...

В это мгновение все куда-то поплыло: произнесенная фраза, пробудившиеся заново чувства, перебивавшие друг друга звуки, свет над искусственными венами век, сила гравитации, притягивавшая его к теплой, но жесткой плите. Раньше он никогда не прислушивался к стуку своего сердца и теперь уже никогда его не услышит...

Закончив подробный рассказ, он спустя минуту поинтересовался:

– Что происходит?

"Вы уже не в виртуальном состоянии. Реальность, которую вы ощущаете сейчас, подлинная".

Ну и шутник! Гант помнил, что он испытывал, когда человеческие кости хрустели у него в руках, он не забыл эти крики, кровь... Настоящий кошмар, который, к счастью, остался в прошлом.

– И все же есть разница, – произнес он с некоторым сарказмом.

"Виртуальное состояние отлично подходит для физической тренировки – так вы способны трезво оценить свои способности, но слишком долгое пребывание в нем может сказаться на оценке происходящего. В виртуальном состоянии вы узнали, что можете убить человека в мгновение ока, научились контролировать ваше новое тело. Но вы не получили информацию о возможных последствиях".

– Думаете, я не в состоянии предвидеть их?

"Да, в виртуальной реальности вы убили двадцать человек, многих – нечаянно, и притом без всяких последствий. Вы же постоянно сознавали, что эти люди нереальны. Можно было бы подавить осознание данного факта, но дезориентация иногда способна довести до параноидной шизофрении".

– Мой разум сделан из силикона, – напомнил Гант.

"Это ваш мозг из силикона. А разум состоит из воспоминаний и образов, мыслей, лишь немного отличных от тех, что существовали в вашем органическом мозгу".

– Я не слышу своего сердцебиения.

"Вы сами выбрали возможность иметь мемплантат, солдат Брежнев Гант. Предпочитаете штатное завершение программы? "

– Нет... Полагаю, нет.

Гант открыл глаза и уставился в потолок, состоящий из прямоугольных плит, затем сел и по старой привычке повертел головой слева направо и наоборот. Ни напряжения, ни болей или прочих неприятных ощущений. Он мог чувствовать – о да, конечно мог, причем с удивительной четкостью и остротой.

Оглядывая помещение, Гант переключил зрение сначала на инфракрасный, затем на ультрафиолетовый спектр, оценил диапазон своего слуха, а потом резко вскочил с плиты и встал возле нее. Теперь настал черед детального осмотра обнаженного тела – что ж, никаких шрамов. Брежой потрогал себя за гениталии и убедился, что они не стали менее чувствительными, чем прежде.

– И все-таки я не Гант, – сказал он. "Вы – его копия".

– Я имею в виду то, что было у меня: железы, органы, тело, боль, страдания. Я не человек и не буду поступать как человек.

"Это важно? "

– Но я хотел бессмертия. "И вы его получили".

– Но не Брежой Гант.

"Такой вещи, как бессмертие, не существует, потому что смерть – это лишь изменение. Человек постепенно умирает в каждый день своей жизни. Вещества его тела заменяются другими, его мысли тоже преобразуются. Живет только ДНК, и какое вам до этого дело? Знание имеет только ваш разум. А он сейчас ближе к тому состоянию, в каком был в момент вашей смерти на Самарканде; кстати, если бы вы выжили, в мозгу произошли бы необратимые изменения, что сказалось бы на вашей мыслительной деятельности. Кристалл мемплантата не копирует абсолютно все, но вероятность ошибки у него меньше, чем возможные отклонения в органическом мозге... "

– Это точно, – перебил Гант, еле сдерживая смех. Во рту ощущался запах воздуха, который только что вдохнули его искусственные легкие. Воздух казался приятным, хотя теперь в нем не было особой нужды.

Что ждет его впереди? Какое будущее смерть не смогла отнять у него?

Он продолжал вдыхать воздух, который убил бы того человека, каким прежде был Гант.

Ян Кормак прикрепил интенсификатор зрения к шлему и затем с пульта, закрепленного на поясе, ввел сигнальный код. Он увеличивал масштаб и прочие параметры, а линзы-хамелеоны меняли форму, приспособляясь к любым, даже невольным движениям его головы. Вокруг не было видно ничего примечательного, только плитчатые скалы, белые под жгучими лучами солнца, плазодермы, торчавшие из сухой почвы подобно гигантским птичьим когтям, да перемещения многочисленных представителей местной смертоносной фауны. Именно куллорапторы и превращали это место в сущий ад, а не постоянная температура выше пятидесяти градусов Цельсия вкупе с иссушенным воздухом, полным цианидов, и даже не сила тяжести, в два раза превышавшая земную. Куллорапторам ничего не стоило разорвать скафандр и прокусить мясо до кости, хотя человеческая плоть была для них ядовита. Учитывая все эти обстоятельства, Кормак был доволен своими спутниками, хотя не понимал, почему ЦСБЗ выбрала именно их.

– Пока ничего не видно, – сообщил Гант. Разумеется, голему не нужен интенсификатор зрения, он у него встроенный. Ян покосился на Ганта – обладателя разума, загруженного из мозга погибшего солдата. Ни за что не догадаешься, что перед тобой андроид, если бы не отсутствие скафандра. Обычного человека, последуй он его примеру, ждала бы неминуемая смерть – от удушья или обезвоживания. Что касается Шрама, то о его нечеловеческой сущности можно было судить не только по костюму, но и по походке – он переставлял ноги по-птичьи, так как дракониды имели с пернатыми общих предков.

– Никаких следов, – согласился Кормак. – Я думал, что у них башни. Как вы считаете, у них есть пушки для наших маленьких друзей? – Он указал направо, где на скальной плите сидел раптор, наблюдая за ними ярко-оранжевыми, глубоко посаженными глазками.

Это существо при наличии богатого воображения можно было счесть родственником дракочеловека. Название животному дали по имени планеты – Куллорум, а также вследствие

сходства с динозавроподобными рапторами, когда-то бродившими по древней Земле. Создание полутораметровой высоты передвигалось на задних конечностях; передние, согнутые в локтях, заканчивались тремя пальцами с острыми когтями. Пасть представляла собой три независимые друг от друга подвижные челюсти, усеянные загнутыми внутрь острыми зубами, а чрезвычайно гладкая шкура имела пурпурно-красный оттенок.

– Он мой, – заявил Шрам.

Снисходительно кивнув, Гант опустил автомат. Драконид, держа оружие у бедра, приблизился к животному странной из-за вывернутых коленей походкой.

Кормак задумался: почему Шрам настроен так враждебно – раптор не прятался, даже не двигался с места и представлял собой отличную цель, так что не было никакой необходимости дразнить его.

Когда дракочеловек оказался в нескольких метрах от куллораптора, тот разинул пасть и издал мощный рык – своего рода боевой клич. После чего последовала атака: животное устремилось навстречу добыче, перескакивая с плиты на плиту подобно кенгуру. Тройной выстрел застал его в прыжке между двумя плитами. Спустя мгновение безголовое тело, фонтанируя серой жидкостью, упало на спину, покатилося; плазодерм оказался естественным барьером на его пути.

– Развлекаемся? – заметил Кормак.

Гант взглянул на него с усмешкой, потом перестал улыбаться и поправил автомат на плече. Шрам повертел жабьей головой в поисках еще какой-нибудь цели, потом неудовлетворенно хрюкнул.

– Может быть, двинемся дальше? – предложил Ян и направился к следующей плите.

Хотя его скафандр эффективно противостоял зною и защищал от внешних воздействий, агент ЦСБЗ чувствовал усталость – все-таки приходилось справляться с двойной силой тяжести. Его спутникам, разумеется, сегодняшнее путешествие казалось веселой прогулкой.

– Ты так и не объяснил, почему тебя отправили в паре с драконидом.

Кормак миновал расщелину, провожаемый сонным взглядом отдохавшего в ней раптора. Выпяченный живот ящера свидетельствовал, что тот недавно пообедал и теперь, если верить зоологам, будет переваривать пищу в течение земного месяца.

Гант ответил не сразу, сначала он тоже пересек расщелину.

– Хотя драконид считается свободным гражданином, ему не слишком доверяют. Мы работаем вместе, и я за ним присматриваю.

Оба машинально обернулись на Шрама, который задержался все в той же расщелине и теперь направил оружие на спавшего раптора. Затем, передумав, дракочеловек двинулся вперед.

– Мы можем доверять тебе, Шрам? – поинтересовался Ян.

Тот лишь проворчал в ответ – драконидов отличала крайняя неразговорчивость.

Кормак понимал, что вопрос о доверии, так или иначе, будет еще долго оставаться открытым. Разве могло быть по-другому в отношении отпрыска трансгалактического существа, называвшего себя драконом, – а это существо было столь же недостойно доверия, сколь и огромно. Дракон провозгласил себя эмиссаром чуждой расы, а затем развязал настоящую резню и разрушил мир под названием Самарканд. Событие совпало по времени с миссией на эту планету, которой руководил Кормак, тогда и погиб спаркинд Брежой Гант. Вероятно, именно поэтому ЦСБЗ избрала голема для присмотра за Шрамом – что ж, в логике этим ребятам не откажешь.

Почти весь куллорумский день ушел на преодоление скал; наконец впереди замаячило сравнительно проходимое соляное озеро. На его берегу плазодермы выстроились подобно армии, и меж них то тут, то там мелькали боязливые рутсакеры – крайне странные треногие создания, почти лишенные того, что можно было бы назвать туловищем, овальная безглазая

голова заканчивалась длинным изогнутым рылом с кольцом черных щупальцев. Эти безобидные существа питались соком корней плазодермов.

Кормак продолжал исподтишка наблюдать за драконидом. Очевидно, Шрам теперь вполне самостоятелен и уже не контролируется драконом, поскольку в ходе той миссии целостность чудовища была нарушена...

"Частично нарушена", – напомнил себе Ян.

Когда впервые человеческая раса столкнулась с драконом на планете Астер Колора, тот состоял из четырех соединенных между собой огромных шаров с псевдоподиями, похожими на гигантских змей. В результате враждебных действий чудовища люди приняли решение уничтожить его, но, увы, не довели операцию до конца. Это выяснилось, когда один из шаров атаковал Самарканд. Теперь шары превратились в одичавшие биологические конструкции – три огромные точки под тремя гигантскими вопросительными знаками.

Солнце светило так ярко, что одного взгляда на него было достаточно, чтобы реактивное стекло щитка шлема становилось черным и не меняло цвета еще некоторое время. А затем огненный диск скрылся за куполообразными горами, и сразу, без каких-либо промежуточных стадий, опустился синий полумрак – самое время для прятков, любимого занятия куллорапторов.

– Я вижу башню, – сообщил Гант.

Кормак снова воспользовался интенсификатором и в центре поискового квадрата увидел башню-треножник, увенчанную автолазером на подвижной платформе. Пока он смотрел на башню, пушка развернулась, и тут же сверкнул рубиново-красный луч.

– Ладно, – сказал Ян, снимая интенсификатор, – ничего особенного. Надо выяснить, каков радиус поражения, и определить местоположение вышки для "Оккама". Когда лазер будет разрушен, мы пойдем дальше. Вы двое найдете их генератор и выведете его из строя. А я отправлюсь за Скеллором.

– Если он еще жив, – вставил Гант.

– А "Оккам" увидит? – поинтересовался Шрам, его морда выдвинулась вперед, пока он вглядывался в темноту.

– Мы не узнаем этого, пока не попытаемся, – ответил Кормак.

– Не ожидал, что они стали такими продвинутыми. Даже наше хамелеон-оборудование не настолько хорошее, – пробормотал Гант.

– Скеллор жив, иначе бы сигнал его имплантата изменился.

Голем кивнул, соглашаясь, затем продолжил:

– Непонятно, почему так беспокоятся из-за этого парня? Думаю, если бы он был так опасен, ЦСБЗ давным-давно его бы завалила.

– Скеллор – биофизик высшей квалификации, его ценят и ИР, и ЦСБЗ, но его методы всегда были по меньшей мере сомнительны. Ходили слухи, что свои опыты он ставил над людьми, но для обвинения не нашлось необходимых улик, как, впрочем, и для того, чтобы его "завалить" – воспользуюсь твоим выражением. Полагаю, жесткие меры не применялись из-за возможной выгоды, которую можно извлечь из его исследований. Теперь Скеллора похитили сепаратисты, и дело принимает несколько иной оборот. Он занимался нанотехнологией и биологическими системами – не надо обладать большой фантазией, чтобы понять, что могут натворить наши доморощенные террористы, имей они на вооружении его знания.

– Ну, тогда нам надо постараться.

Сбросив с плеча автомат, голем проворно ввел новую программу на его боковой панели.

– Убийство Скеллора пока еще не стоит на повестке дня, – заметил Кормак. – Мы пока не знаем наверняка, был ли он похищен или удрал по своей воле.

– Ясно. – Гант одним движением повернул три ствола автомата. Взглянув на Шрама, он пояснил: – Ночной режим.

Дракочеловек сделал то же самое со своим оружием.

– Какой заряд? – уточнил Ян.

– Сталь, – ответил Гант.

Кормак кивнул и двинулся вперед. Вместо выстрела зарядами ионизированной алюминиевой пыли теперь их автоматы будут стрелять стальными пулями с наконечниками; материал покрытия был делом вкуса – керамалль или ртуть. Впрочем, у него имелось свое излюбленное оружие. Он активировал сюрикен с пульта, потом вытащил пистолет, прикидывая в уме, сколько сепаратистов ему придется убить сегодня ночью. Ничего необычного, в качестве агента Службы безопасности ему в основном и приходилось заниматься именно этим. Распространившись в космосе, человечество также повсюду "разнесло" все традиционные земные проблемы, и те, кого когда-то окрестили террористами, теперь называли себя сепаратистами, пытаясь таким образом хоть как-то прикрыть неприглядную деятельность. В действительности они стремились к своим обычным целям – богатству и власти, что спустя короткий промежуток времени становилось очевидным на любой планете, вышедшей из-под контроля ИР. Обитатели миров, ставших жертвами террористов, неизменно обращались в ЦСБЗ, требуя или умоляя восстановить суверенитет Правительства.

– Гант, я хочу, чтобы ты определил положение башни. – Ян взглянул на андроида, и тот пожал плечами.

– Вообще-то я никогда не пользуюсь прицелом. И действительно, с его-то глазами!

Кормак повернулся к Шраму.

– Ну а твой прицел в порядке?

– Да, – проскрипел драконид.

– Отлично, тогда ты определишь местоположение башни.

Последовал небрежный кивок. И если бы Ян взгляделся повнимательнее, он наверняка заметил характерную ехидную усмешку дракониды.

Глубокая темнота сменила синий полумрак, но интенсификатор создавал иллюзию ясного дня, вот только тени странным образом отсутствовали. В этом сверхъестественном свете вскоре стало возможно оценить радиус действия лазера. Подумав о других возможных радиусах, Кормак невольно бросил взгляд на дракониды и выяснил для себя интересную деталь: Шрам был явно поражен количеством убитых куллорапторов, чьи трупы лежали вокруг башни, образуя почти ровную дугу.

Позади башни возвышались три геодезических купола, у подножия которых располагались невысокие строения, похожие на бараки, а дальше маячили остальные башни ограждения. В центре лагеря виднелось замысловатое сооружение: леса поддерживали над поверхностью земли какое-то оборудование, и можно было различить огромную сплюснутую спираль красноватого металла, колебавшуюся в разгоряченном туманном воздухе.

Поисковый квадрат интенсификатора уменьшился, сконцентрировавшись на одном из куполов. Кормак дал знак остановиться и указал на центральную часть лагеря.

– Вот та штуковина в лесах и есть ваша цель. Скеллор находится в крайнем левом куполе, – пояснил он, после чего произнес в микрофон: – Томалон, вы по-прежнему висите над нами?

– Да, – послышался ответ. – Вы в двухстах метрах от предельного радиуса действия их защитных лазеров. По данным сканирования, перед вами свободное пространство.

– Шрам, – Кормак кивнул в сторону дракониды, – сейчас отправит вам код своего автомата, а потом прицелится в лазер. Ждите моего сигнала.

– Понятно, – ответил Томалон.

– Челнок готов?

– Да. Будет у вас через пять минут.

– Вам придется подождать, пока мы разберемся в ситуации. Даже эти лазерные вышки весьма замысловато устроены, а ведь их установили всего лишь против местной фауны. И еще: мне надо, чтобы Скеллор был в безопасности, пока не начнется эта... заваруха.

– Я знаю свою работу, – проворчал Томалон.

Он говорил правду: невозможно стать капитаном корабля, подобного "Бритве Оккама"¹, без реального боевого опыта. Кормак взглянул на своих спутников.

– Готовы?

Гант и Шрам подтвердили готовность кивками.

– Что ж, тогда начнем.

Драконид поднял автомат и прицелился в башню. Он не собирался стрелять, а лишь навел лазерный прицел на мишень и передал соответствующие данные на корабль.

– Принято, – сообщил Томалон.

– Стреляйте, – приказал Кормак.

Потянулись напряженные секунды ожидания. Ян понимал: задержка может объясняться тем, что Томалон скорее применит кинетическую ракету, чем лучевое оружие. Наконец-то! Слепительная вспышка, взрыв – и башня, разваливаясь на куски, взлетела в воздух. Брызги расплавленного металла, застывая и превращаясь в гранулы, посыпались на землю.

Переждав некоторое время, бойцы ЦСБЗ поднялись и побежали к лагерю, пробиваясь сквозь клубящееся облако пыли. Затем Гант и Шрам отделились от Кормака и поспешили к странному объекту в центре лагеря. В это время из дверей одного из бараков выскочили люди, вооруженные лучевыми ружьями весьма примитивной конструкции. Однако Ян уже был возле стенки купола. Он отчетливо слышал прерывистые очереди автоматов сепаратистов и звук ответных выстрелов. В наушниках раздавалось довольное рычание дракониды.

В пластобетонной стене купола появились отверстия от пуль. Посланный им в ответ сюрикен атаковал одного за другим двух нападавших, оба рухнули на землю, чья-то конечность отлетела в сторону, брызнувшая фонтаном кровь почти мгновенно испарилась в иссушенном воздухе. На обратном пути звездочка оставила без головы и третьего нападавшего – тот даже не успел понять, что его товарищи уже убиты. Кормак отправил с пульта новые инструкции, и сюрикен впился в стену купола с воем циркулярной пилы.

Довольно скоро Яну удалось воспользоваться образовавшимся отверстием. Перед тем как проникнуть внутрь, к своему удовлетворению, он заметил вспышку взрыва, что опрокинула генератор с поддерживавших его опор, а затем услышал в наушниках слова Ганта:

– Очередь за вами, Томалон.

Оказавшись внутри купола, Кормак осмотрелся и, пригнувшись и держа пистолет наготове, двинулся вперед; сюрикен завис у него над головой. Из проделанной в стене щели раздавался тонкий свист газа из-за перепада в давлении. Проверив показания приборов на манжете скафандра, Кормак определил, что атмосферное давление внутри купола было выше, чем снаружи, так что даже без защитного костюма здесь можно было не опасаться отравления цианидами.

Справа от него двое мужчин и женщина торопливо пытались надеть наружные скафандры.

– На пол!

Один из мужчин протянул руку к кобуре, но его настиг выстрел агента, и сепаратист упал со сквозной дырой от переносицы до затылка. Заметив взгляд женщины, устремленный поверх его плеча, Кормак обернулся и увидел направленный на него пистолет: мужчина, расположив-

¹ Оккам Уильям (1285 – 1349) – английский философ-схоласт, логик и церковно-политический писатель, главный представитель номинализма. Согласно принципу «бритвы» Оккама, понятия, несводимые к интуитивному и опытному знанию, должны удаляться из науки, то есть во всяком рассуждении следует избегать придумывания новых понятий и терминов, если без них можно обойтись. (Прим. ред.)

шись рядом с шахтой лифта, целился в него. Четыре выстрела отбросили нападавшего в сторону, оружие выпало из его рук.

– Я же сказал – на пол!

Мужчина и женщина подчинились, а Кормак активизировал очередной режим на панели футляра сюрликена. Звездочка двинулась вперед и остановилась над простертыми на полу неподвижными телами.

– Если вы дернетесь, вам конец, – последовало предупреждение.

Следуя сигналу имплантата Скеллора, Кормак миновал шахту, перед ним оказалась пластобетонная стена, в которой было проделано смотровое окно, ниже располагалось что-то вроде люка. Если судить по оборудованию, которое было видно сквозь окно, помещение служило лабораторией, так что за люком, вероятно, находился дезинфицирующий шлюз. Посмотрев по сторонам, Ян еще раз взглянул в окно. Так, наноскоп, огромный хирургический робот, криостатические камеры, какое-то неизвестное оборудование и хирургический стол, на нем лежало существо, внешне напоминавшее куллораптора.

Чтобы избавиться от стекла, Ян решил воспользоваться контактным снарядом с молекулярным декодером. Через минуту окно рассыпалось в прах.

– Скеллор!

Нет ответа.

Преодолев оконный проем, Кормак оказался в помещении и, собравшись с духом, подошел к столу, намереваясь внимательно рассмотреть неподвижное тело. Странное и пугающее зрелище: кровеносные сосуды четко проступали сквозь серую кожу, слегка отливая металлическим блеском; над мордой животного заметно потрудились – более плоская, чем у куллораптора, она походила на обезьяню, если бы не несколько пар глаз; да и передние конечности теперь выглядели мощнее, чем-то напоминая руки. Нельзя было не отметить заметное сходство этого существа с куллораптором, как, впрочем, и с человеком. Несомненно, подобный организм вполне мог появиться в результате одного из научных экспериментов.

"А вот и он".

Скеллор вышел из-за сверкавшего хромом хирургического робота, похожего на огромное отвратительное насекомое. Он отличался от голограммы, которой располагала ЦСБЗ, – все-таки изображение, даже такого качества, не давало полного представления об этом человеке. Скеллор оказался мускулист, с каштановыми волосами и карими глазами, его внешность и невысокий рост свидетельствовали о том, что биофизик пренебрегал косметическими преобразованиями – вероятно, работа отнимала слишком много времени. Однако кое-какие коррективы он все же внес в свой облик: к его правому виску, огибая ухо, был прикреплен странного вида модуль, отходившие от него три кристаллических стержня впивались в шею чуть выше ключицы. Догадавшись о предназначении устройства, Кормак еле удержался от того, чтобы продырявить своего противника сразу в нескольких местах.

– Ян Кормак, агент Центральной службы безопасности Земли. Меня прислали за вами, – сообщил он как можно более нейтральным тоном.

Скеллор рассмеялся и покачал головой.

– Эта территория вне пределов вашей юрисдикции.

– Вы – гражданин Правительства, и вас похитили. Где бы вы ни были, вы остаетесь под его юрисдикцией, – ответил Кормак.

– Это чушь, я здесь по собственной воле, а вот вы – за границей. Хотя я понимаю, что это вас отнюдь не остановит. Настойчивость ЦСБЗ мне хорошо известна с тех пор, как мне стали мешать работать.

– Насколько я понимаю, причина столь пристального внимания связана с тем, какие объекты вы выбирали для своих исследований, а не в самой работе. Правительство не препятствует исследованиям, если они не затрагивают прав других индивидуумов.

– Вероятно, вам следовало бы справиться у своего начальства об исследованиях вроде этого. – Скеллор указал в сторону ближнего стеллажа, где находилась герметически запечатанная цилиндрическая ампула из полимеризованного стекла, внутри которой было вещество кораллово-розового цвета. – И тогда вы могли бы остаться в живых.

Что-то ударило Кормаку в спину, и он не удержался на ногах, но извернулся и в падении трижды выстрелил не целясь. В ответ на выстрелы раздался сиплый хрип, а Ян тем временем перекатился в сторону одного из стеллажей. Нападавшим оказалось то самое животное с хирургического стола. Оно открыло треугольную пасть и снова зашипело; Кормак выстрелил в голову, выбив несколько маленьких глаз. Спустя секунду-другую мерзкая тварь, отпрянув к одному из стеллажей, опрокинула его.

Теперь Ян вел прицельный огонь по ногам животного, однако волокна из розовой субстанции быстро заполняли появлявшиеся раны.

– Понятно, – пробормотал Кормак и коснулся панели на футляре с сюрикенами.

Сначала звездочка отрезала голову чудовища. Обнаружив, что объект нападения продолжал стоять на ногах, сюрикен нанес еще два удара – разрубил туловище на уровне груди пополам и, развернувшись, оторвал ему ноги.

Смертоносное оружие зависло над расчлененным трупом, и Кормак приблизился, чтобы пристальнее рассмотреть то, что осталось от мерзкой твари. Крови не было, только розовые волокна растянулись по полу между отрубленными частями тела, застывая, они приобретали серый цвет. Ян дотянулся до одного из этих волокон носком ботинка, и оно мгновенно сократилось в размерах, а затем рассыпалось на несколько стекловидных фрагментов.

Он коснулся пульта, и сюрикен, сложив лезвия из чейнгласса, неохотно возвратился в футляр.

– Гант, где ты?

– Иду по вашему следу, – тут же послышался ответ. – Челнок приземлился, проводим зачистку.

– Здесь еще двое. Я оставил сюрикен сторожить их.

Переступив через только что поверженного противника, Кормак направился туда, где в последний раз видел Скеллора. Позади хирургического робота находился люк, и, воспользовавшись им, Ян оказался за пределами купола. Он двигался вперед, пока квадрат интенсификатора не превратился в сплошную линию. Агент посмотрел под ноги: в пыли лежал маленький черный прямоугольник – имплантат, от которого и исходил сигнал для ориентировки. Оставалось лишь гадать, когда от него избавился Скеллор – раньше или только что, поняв, какую опасность для него представлял этот крошечный предмет.

Кормак поднял имплантат, потом огляделся. Челнок – U-образный корабль длиной метров двадцать – стоял на краю лагеря в том месте, где раньше находился тренажник сторожевой башни. Похоже, все кончено, по крайней мере стрельбы уже не было слышно. Спаркинды выводили сепаратистов из барачков.

– Что произошло? – спросил подошедший сзади Гант.

– Кажется, наш друг Скеллор создаст нам больше проблем, чем изначально предполагалось.

– То есть?

– Ну, насколько я могу судить, он обзавелся кварцевой матрицей ИР.

– Дерьмо, дело плохо! – буркнул Гант. Его спутник драконид молча кивнул.

– Да? – Кормак положил мемплантат в кармашек на поясе. – Так же плохо, как если бы он к тому же приложил свои мерзкие пальчики к технологии джайнов?

– Вдвойне плохо!

В беззвучном космосе процесс разрушения выглядит нереально, но происходящее на экране вынуждало отказаться от любых сомнений. Апис Кулант находился среди родственников – сторонний наблюдатель сравнил бы эту толпу с облаком, клубившимся в воздухе перед огромным монитором, – и, наблюдая, как его мир разваливается на части, слышал вполне разумные комментарии, точнее, их обрывки:

– ... наномицелий...

– ... время упущено. Слишком поздно использовать контрагент...

Какая-то обладательница изумрудного цвета кожи и черных глаз коснулась тонкими пальцами своего блестящего модуля.

– "Миранда" только что лишилась подразумов. Серверы выходят из строя, – сообщила она.

– Точно... "Миранде" конец! – подтвердил чей-то голос.

– Куда нам теперь деваться? – раздался горестный шепот.

Каждая ослепительная вспышка обозначала либо уничтожение, либо коллапс какой-либо части корпуса. Осколки образовали кольцеобразную туманность, рядом с которой серебристыми птицами кружили прибывшие на помощь корабли, в надежде спасти выживших.

– Десять минут до запуска термоядерного двигателя, – сообщил голос из динамика.

Члены клана не обратили внимания на эти слова, продолжая наблюдать за драматическими событиями – на их глазах разрушался их дом. На мгновение экран стал белым. Когда изображение вернулось, часть "Миранды" исчезла.

– Что это было?

– Там находился рансибль, – сказал кто-то, претендуя на компетентность. – Вероятно, антиматерия.

Заявление вызвало бурную дискуссию.

– Глупости – при чем здесь антиматерия! Наверняка разрушилась катапульта.

– Чепуха. Это тормозные двигатели – энергия же должна найти какой-то выход.

Спор продолжался, но Апис не обращал на него внимания. Он лишился дома, и что ждет его? Жизнь на другой станции? Он не знал, четко сознавая лишь одно: случившееся – ужасно. Судя по наличию наномицелия, здесь не обошлось без злого умысла.

Помещение трянуло, аутлинкеры в смятении переглянулись, затем вновь устремили взгляды на экран. Полемика возродилась с новой силой – как защитная реакция на происходящее.

– Термоядерный двигатель будет запущен через десять секунд. Вход в подпространство через двадцать две минуты.

На это предупреждение никто не обратил внимания, кроме Аписа и его соседки. Она была в замешательстве – то и дело касалась своего модуля, словно больного места.

– Похоже, на этом корабле нечего ловить, – сказала она.

И действительно: было что-то странное во всем происходящем, да и монотонный голос из динамика звучал не так, как обычно вещает ИР, – он напоминал голос ушедшего человека.

При запуске двигателя почувствовался легкий толчок, словно он сработал с небольшим запаздыванием – чего в принципе быть не должно. Изображение станции по-прежнему оставалось четким. Апис видел, как "Миранда" переломилась посередине, и теперь обе половинки вращались в одном направлении, подобно стрелкам циферблата. Совершив три оборота, они приняли вертикальное положение, выстроившись параллельно друг другу. Когда корабль вошел в подпространство, картинка на экране пропала. Осмотревшись кругом, юноша обнаружил, что лишь немногие продолжали наблюдение, все остальные отправились по своим гаммакам.

– Оставьте корзины, возьмите щупы и сеть, – приказал Улат. Он стоял возле пруда с тремя работниками.

Эльдина, волоча за собой мешок с издохшими сквермами, осторожно подошла к краю пруда. Здесь находились особи небольших размеров – длиной с ее руку и толщиной с палец, – но все равно с ними надо было держать ухо востро: даже такие малыши могли изловчиться, выпрыгнуть из воды и вцепиться в человеческую плоть.

Улат уже отправился прочь, так что девушке ничего не оставалось, как пристроиться позади Фетана. Тот проработал на прудах большую половину жизни, которую в его старом теле поддерживала огромная сколь, выпячивавшаяся на груди под рубахой.

– Что случилось? – шепотом спросила у него Эльдина.

Фетан взглянул на нее налитыми кровью глазами и изобразил нечто вроде улыбки, демонстрируя отсутствие передних зубов. Вероятно, ему их выбил какой-нибудь проктор.

– Трикон. Проник в один из прудов Дента и отравил половину сквермов.

– А сквермы какого возраста?

– Взрослые, – ответил Фетан и затем добавил вполголоса: – Теперь подходящее время для побега. Даю гарантию, кое-кто из нас мог бы сегодня смыться.

Старик вечно дразнил ее байками о некоем подполье – сначала обронит мимоходом что-нибудь интригующее, чтобы вызвать у нее любопытство, а потом сам же добавит, что все это слухи и мифы. Эльдина считала, что это и в самом деле миф. О каком сопротивлении может идти речь – разве оно устоит против спутниковых лазеров и инквизиции Теократии? Все население планеты находится под неустанным контролем.

Девушка подняла взгляд – а вот и проктор Волюс на своем аэрофане².

Наконец Улат остановился: значит, они достигли злополучного пруда. Дент стоял рядом с начальником смены, склонив лысую голову. То, что трикон проник сквозь мембрану, отделявшую воды пруда от планетарного грунта, не было следствием недосмотра с его стороны. В действительности это произошло скорее из-за алчности Улата – он использовал мембрану три сезона вместо положенных двух, а сэкономленные на покупке новой мембраны деньги клал себе в карман. Но Эльдина прекрасно понимала, что в случившемся так или иначе окажутся виноваты рабочие.

– Вы проверяли мембрану, до того как наполнить пруд? – спросил Улат, опустив маску.

Начальник смены использовал приспособление для дыхания, демонстрируя тем самым, что он – гражданин, а не простой рабочий. Но все-таки Улат не достиг ранга полноправного "брата", этим высоким статусом высшие чины духовенства награждали за особые заслуги.

– Я проверял, – ответил Дент.

Улат вновь прикрыл маской рот и нос и осмотрел пруд. На мелководье пристроился моллюск размером с туловище человека, обладатель трех белых конических раковин, тесно скрепленных друг с другом, внутри каждого из отверстий раковин глубоко пряталось по мясистой узловатой голове. Вода вокруг него изменила цвет, приобретя синеватый оттенок, и все сквермы поблизости оставались неподвижны или вовсе распались на отдельные сегменты. Остальные же сгрудились по краям пруда, прячась в траве; они шипели и извивались, напоминая недовольных спагетти, отливавших металлическим блеском.

Начальник смены обернулся туда, где приземлился аэрофан проктора, даже маска не могла скрыть встревоженного выражения его лица. Эльдина поняла, что теперь ему не удастся утаить происшествие и списать ущерб за счет естественной убыли. Ясно, что кто-то должен понести наказание.

² Название летательного аппарата образовано от англ. fan – «вентилятор», «лопасть винта». (Прим. перев.)

– А я думаю, не проверяли! – Улат с размаху ударил Дента в лицо. Когда тот упал, последовал пинок в живот. Затем Улат наступил на его сколь, и Дент засипел из-за нехватки кислорода.

– В чем дело? – поинтересовался подошедший Волюс, и звук его голоса отозвался эхом под затемненным стеклом шлема.

Дубинка через плечо, пистолет вынут из кобуры – итак, слухи подтверждались: проктор получил "дар" от викария, а вместе с ним возможность постоянной связи со всеми братьями. Девушка заметила похожий на боб предмет, прикрепленный за ухом, – чешуйчатый, красновато-зеленого цвета, он казался живым, как сколь. Теперь Волюс стал настоящим членом Теократии и имел право носить белую форму со священными словами, начертанными вдоль бокового шва куртки и на штанине. О его высоком статусе свидетельствовал и аппарат для дыхания.

Проктор безучастно взглянул на продолжавшего сипеть и хрипеть Дента, а затем повернулся к Улату. Тот произнес:

– Он проткнул мембрану в пруду шупом и не удосужился доложить мне об этом. И вот результат! – Начальник смены указал на пруд.

– От вас требуется увеличить производство сквермов, Улат. Не вижу результата. Викарий будет недоволен, – заметил Волюс.

– А что я мог сделать?

Тем временем Дент уже дышал ровнее: его сколь оправилась от удара.

– Вам следует лучше относиться к своим обязанностям и того же требовать от ваших рабочих. Члены Иерархии не в восторге от сокращения объемов торговли эссенцией, они выражают свое недовольство дьякону, тот недоволен викариями, а они – нами, прокторами. Нам приказано принять меры. И я буду вынужден принять меры, если вы немедленно не наведете здесь порядок!

Улат обратился к рабочим:

– Ну-ка живо выловите падаль!

Пинками он заставил Дента подняться, затем толкнул его в сторону пруда. Эльдина подставила руку, чтобы Дент туда не свалился, за что получила благодарный кивок.

– Ты пока работай на берегу, вылови те тушки, до которых можешь дотянуться, – шепнула она ему и вошла вслед за Фетаном в мутную воду.

Работа была тяжелая и опасная. Дважды у самого лица Эльдины мелькнули щупальца-крючья, пока они с Фетаном таскали трикона из воды. Швырнув моллюска на берег, они поспешили обратно в пруд, вооружившись сачками, чтобы вычерпать быстро разлагавшиеся в воде тушки. Катол, четвертый член команды, оказался недостаточно ловок: один из сквермов ухитрился вцепиться ему в щеку и вырвать кусочек плоти. Но он продолжал работать, несмотря на то что кровь сочилась на воротник его спецовки и капала в воду.

Волюс, некоторое время понаблюдав за происходящим, направился к аэрофану, и вскоре машина поднялась в воздух, а раздосадованный Улат продолжал нервно расхаживать по берегу.

Через несколько часов, когда бригада рабочих очистила пруд от тушек и сложила их в кучу на берегу, проктор вернулся.

– Подойдите сюда, все! – приказал он.

Четверо рабочих выстроились перед ним, Улат встал за их спинами.

– Вы справились с работой, братья, трудясь во имя Церкви Масады, – заявил проктор, расхаживая перед шеренгой. – Но сам факт, что сегодня вам пришлось выполнять такого рода работу, достоин сожаления. – Он остановился перед Дентом и дал знак Улату подойти.

Тот снял маску и произнес:

– Да, проктор?

– Как вы думаете, каким должно быть наказание за его провинность? – спросил Волюс.

Прежде чем ответить, Улат сделал глубокий вдох через маску.

– Думаю, несколько дней в карцере будет достаточно. Нам нужны рабочие руки.

Проктор, очевидно, был склонен предложить более жестокое наказание. Похоже, Денту грозила смерть, и Эльдина видела, что несчастный догадывался о своей участи: на его лице читался страх.

– Что ж, это наказание для него, а каким должно быть ваше, Улат? Ведь ваше преступление подобно краже из церкви... не так ли?

Начальник смены не скрывал панического страха.

– Я ни в чем не виноват, смотритель, уверяю вас!

– Конечно же нет, – усмехнулся Волюс. Неожиданно он размахнулся дубинкой и ударил Улата по ногам. Тот вскрикнул и повалился наземь, а Волюс склонился над ним. К изумлению Эльдины, проктор сорвал Дькательную маску с начальника смены и отступил прочь.

– С завтрашнего дня здесь будет работать другая бригада. – Проктор внимательно оглядел рабочих. – Вы переводитесь на южные пруды на вылов спронов. А сейчас заканчивайте работу и отправляйтесь в бараки.

Развернувшись, смотритель поспешил к аэрофану, Улат пополз вслед за ним. Сначала начальник смены тяжело дышал, затем и вовсе стал задыхаться. Он пытался просить пощады, знаками умоляя вернуть ему маску.

Как ни страшно было наказание, Эльдина, наблюдая за агонией Улата, сочла его справедливым.

Когда на небе зажглись звезды, рабочие подняли посиневший от асфиксии труп Улата и швырнули его в корзину на разложившиеся тушки сквермов.

Мальчик сидел на коленях женщины, прислонившись головой к ее груди.

Она продолжала:

– "А еще жил-был братец, построивший себе домик из виноградных лоз, и он прятался в нем, оставаясь цел и невредим, пока героин ел его друзей и шелкал клювом от удовольствия. Братец был так горд своим домом..." А что мы знаем о гордыне?

– Это большая беда, – серьезным тоном произнес малыш.

Женщина прикусила губу, стараясь сохранить серьезное выражение лица.

– Да, большая беда, – повторила она.

Книга стояла на подставке, на открытой странице длинноногое существо, похожее на птицу, застыло в тот момент, когда оно схватило братца клювом за голову. Стоило женщине коснуться книги, картинка вновь ожила. Чудовище запрокинуло голову и проглотило человечка целиком... Потом картинка неожиданно изменилась: героин вновь держал голову братца в клюве: очевидно, анимация зависла.

– Безобразие, – проворчала женщина.

Она стукнула по книге, и на картинке появился домик из веточек. Теперь можно было продолжать чтение:

– "В ту же ночь героин пришел и встал над домиком из веточек". И что он стал делать?

Хором мать и сыш произнесли:

– Он клевал и клевал, клевал и клевал, и домик развалился.

– И что же сказал братец, когда его домик развалился? – Женщина взглянула на часы.

– Не ешь меня!

– Я уверена, тебе не терпится сказать, что же было дальше, верно?

– Он проглотил его!

– ... Отсюда тебе не сбежать, девочка. И никому из нас не сбежать. – Фетан покачал головой. Они шли к прудам от остановки автобуса на воздушной подушке, доставившего их и еще пятерых рабочих от городского общежития до кооперативной фермы. – А ты знаешь, что такое «кооператив»? Кооператив – это сотрудничество, ты должна сотрудничать с ними, иначе они тебя убьют.

Похоже, Фетан был очень опытным человеком. В юности он перешел дорогу какому-то члену Теократии, но, видимо, этого оказалось недостаточно, чтобы отнять у него жизнь, – и он стал рабом.

– Почему? – спросила она. – Почему все именно так?

– Потому что таков здешний порядок. Теократия снимает сливки, а если мы сами посмеем лизнуть их, нас задавят за милую душу.

– Но это несправедливо! Моих родителей казнили, но я-то сама не сделала ничего плохого.

– Плохого или хорошего – какая разница? Ситуация безвыходная, поэтому ты должна научиться извлекать из нее хоть какую-то пользу. – Шумно вздохнув, старик опять перешел к своим обычным разговорам-намекам на существование некоего подполья: – Сначала нужно найти способ пробраться в горы, но это уж точно не удастся с нашими штуковинами. – Фетан шлепнул по сколи, сидевшей у него на груди. Если не будешь принимать пилюли, твое тело сбросит паразита, и тогда эта тварь погибнет, а ты задохнешься.

Почему она вспомнила утреннюю болтовню? Пожав плечами, девушка доела ужин – немного картошки, ломоть хлеба – и отправилась в часовню, чтобы прочесть вечерние молитвы под надзором камер Теократии, а потом вернуться в барак. Большинство рабочих уже спали, но двое или трое еще продолжали тихо беседовать.

Сбросив башмаки, Эльдина сидела на койке и с грустью размышляла о своем будущем – если это вообще можно было назвать таковым. Большая часть рабочих не доживала до возраста Фетана, несчастные случаи, истощение и смотрители убивали их еще до появления седых волос. Побег был невозможен, поскольку без сколи на открытом воздухе человек бы задохнулся через какие-нибудь минуты, а Теократия строго следила за распределением пилюль, препятствующих отторжению паразитов. Спаситься можно было только на торговом корабле или же в мифическом "подполье", но все, что Эльдине приходилось слышать о последнем, мало походило на правду. Впрочем, у нее оставалась еще одна возможность изменить обычное течение жизни, и некоторые женщины-работницы, достигшие зрелости, выбирали именно этот путь. Неужели она дойдет до такой степени отчаяния?

– Тебе когда-нибудь приходилось работать на прудах, где разводят спронов? – С верхней койки послышался голос Фетана.

– Вы же знаете, что нет.

– Да... Верно, я знаю.

У Эльдины сжалось сердце. Фетан становился забывчив, медлителен, он старел. Страшно подумать, что однажды – наверное, уже скоро – старик умрет у нее на глазах и именно ей придется тащить его тело на переработку. Стать удобрением – лучший из возможных способов погребения для рабочих.

– Ну и какие они? – спросила она.

– Работа тяжелая, но они не такие злобные, как сквермы. – Свесив тощие ноги, Фетан затем спустился вниз и сел рядом с Эльдиной. – Не нравится мне это... ну, что Волюс перевел нас.

Девушка удивленно посмотрела на него.

Ну, Улат подворовывал – это да, но это не просто без поддержки сверху. То есть начальник смены должен был делиться с Болюсом, однако, получив "дар", проктор решил, что сейчас самое время избавиться от Улата. А что касается нас – мы могли видеть то, чего не должны были видеть, и теперь мешаем ему.

– Но он с легкостью мог убить нас и там... Сказал бы, что мы хотели бежать, – предположила Эльдина.

– А-а, он хитер. Ему нетрудно списать недостачу на Улата, но если расправиться и с нами, это может показаться викарию подозрительным.

– Значит, он просто убрал нас с глаз долой.

– Да, будем надеяться на это, – пробормотал старик.

Куллорапторы принялись пожирать тех своих павших собратьев, чьи трупы находились в непосредственной близости от них, не осмеливаясь пересечь радиус поражения новой пушки.

Наблюдая за насекомоподобной машиной, что патрулировала территорию, вращая хромированными орудиями, Кормак в очередной раз выругался. В какие игры играет Томалон? Он зашагал в направлении челнока, уже запускавшего двигателя.

– Пока никаких следов Скеллора. Мы прочесали округу в радиусе двадцать километров по всем направлениям. – Из наушников донесся голос Ганта.

– А в стратосфере?

– Никаких следов корабля, рассмотрены почти все прочие возможности. За ситуацией следят с момента нашего прибытия.

– Возможно, он воспользовался хамелеон-оборудованием.

– Да, такую вероятность не стоит исключать.

Кормак поискал Ганта взглядом и увидел его возле одного из барачных строений, где складировали и упаковывали все имущество, включая и те злополучные куски кораллов. Сначала он хотел подойти к голему, но потом передумал. Ему надо разобраться, почему уходит от ответов Томалон. А еще выяснить, что случилось со Скеллором.

Джайны – члены древнеиндийской секты, верившие в вечность материального мира... Что ж, это название как нельзя лучше подходило для расы, обладавшей почти сказочными технологиями. Как ни странно, но этой расы больше не существует. Первые фрагментарные артефакты были найдены еще до рождения Кормака и сразу же стали сенсацией. Когда выяснилось, что возраст находки превышает пять миллионов лет, интерес к ней упал, но затем вновь возродился, так как дальнейшие исследования показали, что некоторые из фрагментов являются продуктами высокой нано– и даже пикотехнологии. Соответственно, это открытие дало мощнейший толчок развитию технологий в зоне Правительства. С тех пор охота за артефактами не прекращалась, но общая масса обнаруженных составила не больше десяти килограммов. О самих джайнах имелись весьма скудные сведения, никто даже не знал, как они выглядели. Было лишь известно, что представители этой расы заселяли множество миров и перестраивали планетные системы, сообразуясь со своими требованиями. Высказывались предположения, что, подобно людям, они приспособлялись к жизни на планетах в тех случаях, когда обратное было невозможно. Учитывая способности джайнов, ИР и люди сходились в едином мнении: то обстоятельство, что их уже нет, для человечества, пожалуй, даже к лучшему.

– Томалон, вы не можете передать сообщение сюда? – Ян испытывал крайнее раздражение.

– Нет, – ответил капитан "Бритвы Оккама". – Вы должны увидеть его своими глазами.

– А как насчет информации, почему нам приходится так срочно сниматься с места?

– Ничего не могу сказать по этому поводу.

– "Оккаму" тоже нечего добавить?

Люк челнока открылся, и агент вошел внутрь. Ответ ИР раздался уже по трансляции челнока:

- Центр напоминает о важности обнаружения Скеллора.
- И все?
- И все.

Стараясь ничем не выдать своего раздражения, Кормак плюхнулся в кресло и повернулся к женщине-пилоту. Достаточно было лишь беглого взгляда, чтобы убедиться: рядом с ним голем. Быстро проверив показания приборов, пилот ввела программу старта. Кормак пристегнулся к креслу: на малом военном судне не имелось такой необходимой роскоши, как внутренние гравитационные плиты. С глубоким гулом челнок оторвался от поверхности планеты и повернулся против солнца, чьи лучи преломились в экране. Ян мог видеть, как приземляется большой грузовой корабль, чтобы забрать оборудование базы сепаратистов и прочее, что могло представлять интерес. В ближайшее время кто-то не останется без дела – предстояло провести экспертизу и извлечь всю возможную информацию, чтобы докопаться, чем именно занимался Скеллор на этой базе. И конечно же, самому глубокому и тщательному исследованию подлежат те кусочки кораллов.

Адское сияние неба сменилось синими сумерками – челнок обогнал солнце, продолжая подниматься. Вскоре стали видны звезды, их свет пробивался сквозь прозрачную, как стекло, и не слишком далекую туманность.

– Это "Оккам".

Пилот указала на далекое пятнышко. Очевидно, она хотела преодолеть неловкость, которую испытывала из-за молчания своего соседа. Кормак смягчился: женщина не виновата, что его миссия не достигла успеха, даже если она... не человек.

– Когда я впервые подлетал в челноке к этому кораблю, пилот тоже указал мне на него. – Андроид с любопытством посмотрела на Кормака. – Точнее, он предупредил: "Скоро мы будем там". Оказалось, что "скоро" – это сорок минут. Я был не на шутку удивлен, так как даже не представлял себе его размеры.

Пилот кивнула.

– "Бритва Оккама" – крейсер дельта-класса.

Ян продолжал:

– В подобных ситуациях вдруг осознаешь, что все еще способен испытывать трепет.

Он наблюдал, как постепенно увеличивалось в размерах далекое пятнышко, ощущая те же чувства, о которых только что упоминал.

"Бритва Оккама" невозмутимо зависла в космическом пространстве – золотистый ромб, усеянный антеннами и всевозможным вооружением, его длина составляла четыре километра, ширина – полтора при толщине в один километр. И это еще не самый большой крейсер!

– Интересно, как велики крейсера класса альфа или бета, – сказал он, когда челнок пролетал мимо сенсорной антенны размером с целый собор.

– Нам всем хотелось бы знать, – сказала женщина. Кормак с удивлением посмотрел на нее: это редкость, когда голем признается в том, что чего-то не знает. – Информация о них засекречена, – продолжала она, – но мне известно, что гамма-крейсер "Кэйбл Хог"³ не имеет права выходить на орбиту планеты, на поверхности которой имеются моря.

Кормак вопросительно взглянул на свою собеседницу, и пилот пояснила:

– Приливы. "Кэйбл Хог" по массе сравним с земным спутником, но по размеру намного крупнее Луны.

– Вот это да!

– Всего лишь обычный военный корабль. Есть и другие.

³ Вероятно, в честь героя вестерна «Баллада о Кэйбле Хогге» (The Bailad of Cable Houge), 1970 г. (Прим. ред.)

– Попробую догадаться: разрушители планет? Женщина-голем взглянула на него, но оставила вопрос без ответа, затем занялась маневрированием.

Челнок направился к открытому шлюзу. Словно комар залетел в львиную пасть, и у этого льва были на самом деле острые зубы.

Спустившись по трапу, агент ЦСБЗ с восхищением огляделся. В огромном помещении кипела работа; здесь были и другие челноки, обслуживающий персонал хлопотал возле них, бригады состояли из людей, големов и нескольких роботов замысловатой конструкции.

Не успел Ян сделать и нескольких шагов по кремалевой плите, как к нему навстречу поспешил дрон.

– Проводи меня на мостик.

Однажды он уже заблудился в лабиринтах внутренних помещений корабля: ИР часто перестраивал его структуру с целью достичь максимальной эффективности, хотя Кормак подозревал, что у искусственного интеллекта могли быть и другие соображения.

– Ну-ну-ну, – нетерпеливо пролепетал дрон и устремился прочь своей колышущейся походкой.

Кормак с досадой наблюдал за его суетливыми движениями. Внезапно дрон остановился метрах в десяти и поманил за собой. Ян повиновался, зная, что ИР военных кораблей и подчиненные им умные машины отличались своеобразной эксцентричностью. Это частично объяснялось тем, какими делами им приходилось заниматься по долгу службы. Корабли вроде "Бритвы Оккама" создавались с одной целью – разрушения и убийства, поэтому их интеллекты большей частью просто бездельничали.

Теперь дрон, похожий на краба, ковылял рядом, его металлические "клешни" были поджаты под панцирем, черные "глаза", расположенные на одинаковом расстоянии по краю его корпуса, казалось, неодобрительно смотрели на своего спутника-человека. В конце концов они подошли к лифту, который необычно быстро доставил их в резиденцию Томалона.

Консоли на стенах капитанского мостика, казалось, целиком состояли из мигающих огоньков. Между колоннами, словно выросшими из черного блестящего пола, в котором отражались вспышки огня, располагались кресла управления, установленные перед огромными окнами из чейнгласса. Сейчас было занято только центральное из кресел, Томалон восседал в нем подобно королю на троне. Это был смуглый коренастый мужчина, начисто лишенный волос – вероятно, потому, что они могли вступать во взаимодействие с многочисленными металлическими и кристаллическими контактами, которыми было усеяно его тело. Из-за них казалось, что капитан страдал каким-то экзотическим кожным заболеванием. Так или иначе, поверхность его тела служила своеобразной штепсельной вилкой, а розеткой являлось кресло, выполненное из кристаллов и композитной керамики, – так капитан подключил себя к искусственному интеллекту корабля "Бритва Оккама".

Томалон смотрел на Кормака сквозь "кружева" оптического кабеля.

– Дрон проводит вас к нему.

Дрон скользнул вперед и повернулся к Яну. Тот покосился в его сторону.

– Что вы имеете в виду? Капитан пояснил:

– Сообщение для вас упаковано в формат виртуальной реальности. Я знаю только лишь, что оно получено из ЦСБЗ. "Оккаму" известно больше, но мне не позволено сообщать вам.

Кормак посмотрел на Томалона, тот откинулся на спинку кресла, его глаза стали непрозрачно-белыми – реакция на прямое оптическое соединение.

– Тогда не будем терять времени, – сказал он и направился к лифту, преследуемый дроном.

С закрытыми глазами Кормак встал в позу фараона, его руки замерли в соответствующем положении. Он выровнял дыхание, затем выполнил несколько резких махов руками и ногами,

стремясь поразить как минимум четырех воображаемых противников. Завершив упражнение серией выпадов, Ян вновь принял прежнюю позу, глубоко вздохнул и расслабил тело.

– Неплохая скорость, – послышался чей-то голос.

"Вот дерьмо! "

Незнакомец, хорошо сложенный и молодой – впрочем, последнее не обязательно соответствовало действительности, – был одет в кимоно, что предполагало серьезные намерения. В чертах его лица сквозило нечто неуловимо знакомое.

"Похож на японца, – констатировал Ян. – Знавал я одного японца... "

Остановившись в пяти шагах, незнакомец пристально посмотрел на него, потом, согласно ритуалу, поклонился.

– Кто вы? – спросил агент после того, как ответил таким же вежливым поклоном.

Мужчина улыбнулся и принял боевую стойку. Кормак последовал его примеру. Он был уверен в себе, зная, что сейчас в хорошей форме и успел разогреться, тогда как его противник мог рассчитывать лишь на предыдущую тренировку. Они сблизились, обменявшись серией предупредительных ударов, отраженных без затруднений. Краем глаза агент увидел, как в зал вошел драконид, и теперь, скрестив руки, снисходительно, словно сэнсэй, наблюдал за происходящим.

– Хотите принять участие, Шрам? – Кормак сопровождал предложение стремительным движением ноги к голове противника, словно пытаясь придать своему предложению особый смысл.

– Шрам знает, что у меня благие намерения, – заметил мужчина, успешно отразив атаку.

Затем он также успешно противостоял еще трем последовательным выпадам, в конце концов ударив противника так, что тот едва не остался без головы. Упав на спину, Ян успел вернуться от его ноги, а затем, поднявшись, бросился в атаку.

Последовал быстрый обмен ударами. Кормак почувствовал, что ребра незнакомца не выдержали одного из них, а затем ощутил, как затрещали его собственные. Неожиданно для себя самого он оказался на спине, а пальцы нападавшего мертвой хваткой сдавили его шею.

– Какой вы проворный, – прохрипел Ян.

Японец разжал руки, поднялся, отступил назад и вдруг – постарел. Ага, Гораций Блегг собственной персоной!

– Да вы и сами весьма проворны, Ян Кормак. Вы первый, кто сопротивлялся так долго.

Затем он приложил ладонь к грудной клетке, и послышался хруст: то, что его ребро было сломано, еще ничего не значило. Кормак с трудом поднялся на ноги. А вот его собственное сломанное ребро давало о себе знать.

– Позвольте мне, – сказал Блегг и протянул ладонь к груди недавнего противника в поединке. Тот почувствовал прилив тепла, и боль исчезла.

– Как вам это удалось? – спросил Ян. Блегг улыбнулся и обвел рукой вокруг.

– Здесь я могу все – как и вы, если, конечно, захотите.

Кормак отошел к стене и снял с вешалки полотенце, чтобы вытереть лицо. Затем испытующе посмотрел на дракониду:

– Увидели что-нибудь интересное для себя? Шрам осклабился.

Агент опять повернулся к Блеггу. Что имел в виду старик, говоря, что может все? Неожиданно смысл этих слов стал ему понятен. Он выронил полотенце и небольшим усилием воли остановил его падение в воздухе.

– Полное погружение? – уточнил он у японца. Блегг кивнул.

– И как много из моей памяти взято?

– В пределах приличий, но теперь вы должны вспомнить место и время событий в вашей жизни.

И Кормак вспомнил – миссию на Самарканд, в мир, опустошенный инопланетным существом, называющим себя драконом, потом свое длительное пребывание на Земле после слишком долгого отсутствия, когда он пытался выяснить причину, по которой его жизнь была поставлена под угрозу. Он уже подумывал – не в первый раз – об отставке, но все-таки отверг эту мысль. Вскоре ему пришлось преследовать небольшую группу сепаратистов, далее эта задача превратилась в погоню за биофизиком Скеллором, Погоня была долгой, но не слишком затруднительной, поскольку у Скеллора имелся мемплантат, который ему вживили в ЦСБЗ. Затем этот патрульный крейсер "Бритва Оккама", поединок...

– Перейдем к сути. – Ян терял терпение.

– Как вам будет угодно.

Блегг взмахнул рукой – спортивный зал и драконид исчезли. Теперь Кормак стоял перед огромным экраном. Он устремил взгляд в указанном ему направлении и увидел огромную автономную станцию, зависшую в космосе в окружении кораблей. Спустя несколько секунд она стала разваливаться на части.

– Это автономная станция "Миранда" пять дней назад. Ее уничтожил мицелий, аналогичный тому, что применяли для разрушения рансибля на Самарканде, – пояснил Блегг.

– Жертвы? – Погоня за Скеллором вдруг показалась Кормаку детской забавой.

– Двадцать три жителя автономии отказались покинуть станцию, но для эвакуации остальных времени хватило.

– Это дракон отправил мицелий?

– Один из шаров – надо учитывать, что они теперь разделены, – вполне может быть причастен. Вы отправитесь туда на "Оккаме" и выясните, что произошло, и тогда примете меры по своему усмотрению.

Кормак задумчиво наблюдал, как станция продолжала распадаться на куски, на ее поверхности то тут, то там вспыхивали взрывы.

– Если к этому действительно причастен дракон, тогда мне понадобится помощь.

– Вы сейчас вспомнили о Мейке, той женщине с Цирцеи, выпускнице сверхсекретной Биологической академии.

– Да.

– А еще вы подумали о том, что ей удастся извлечь из образцов собранных на этой базе на Куллоруме, – добавил Блегг. Кормак пожал плечами, старик между тем продолжал: – Ближайший пункт Правительства на вашем пути к месту последней дислокации "Миранды" – "Элизиум", станция по переплавке астероидов. Мейка будет ждать вас там.

– А спаркинды?

– Копии памяти Эйдена и Сенто будут отправлены на "Элизиум" через рансибль, так что, если они вам понадобятся, их можно будет загрузить в запасные тела големов, имеющиеся на корабле. У вас уже есть Ганг и; Шрам. К сожалению, Патран Торн сейчас выполняет другое задание.

Кормак кивнул. Разумы Эйдена и Сенто, не будут отличаться от оригиналов, вот только тела у его прежних соратников окажутся другими. Не было никакого повода для раздражения – просто у него имелось странное предубеждение по отношению к копиям.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался он.

– Ближайший обитаемый мир в том районе, где была разрушена "Миранда", – Масада. Любопытно, что теократическое правительство этой планеты под предлогом защиты от дракона некоторое время тому назад распорядилось построить установку для запуска кинетических ракет.

– Какие еще цели они могли преследовать?

– Подавление сопротивления со стороны подполья.

– Поясните.

– Мятежники прячутся в пещерах. Кинетическая ракета достаточной мощности может проникнуть туда.

– Понятно.

Можно было сколь угодно долго и внимательно смотреть на Блегга, пытаясь прочесть или хотя бы угадать его мысли, но старый японец был непроницаем и, как никто Другой, умел контролировать себя.

– Это еще одна ваша игра? – спросил Ян. Глаза старика блеснули.

"Бритва Оккама" не находится ближе всех к месту печальных событий, но, учитывая возможную причастность дракона, именно вы самая подходящая кандидатура для того, чтобы разобраться и... решить проблему. – Пока Блегг говорил, словно из тумана, появились стены спортивного зала, только драконида не было видно. – Никаких игр, агент Кормак, у нас нет времени на это. – С этими словами он направился к двери.

Ян помедлил немного, затем последовал за ним. Оставались другие вопросы – вопросы остаются всегда. Когда он оказался в коридоре, Блегга – этого Чеширского Кота, или Безумного Шляпника, или то и другое, вместе взятое, воплощенное в одной личности, – уже не было. Кормак вернулся в спортивный зал.

– Конец программы, – произнес он и закрыл глаза. Его тело вернулось в позу фараона; он почувствовал легкое покалывание в висках, но довольно быстро это ощущение прошло – признак того, что нановолокна были удалены из коры головного мозга. Открыв глаза, Ян огляделся вокруг – теперь он снова был в отсеке "Бритвы Оккама", предназначенном для перемещения в виртуальную реальность.

– Мы отправляемся в "Элизиум", и это место, насколько я могу судить, носит самое неподходящее название⁴, – сообщил он стоявшему перед ним дрону.

Без сомнения, эта информация тут же была передана Томалону.

Сепаратистская база, разобранный и упакованный, занимала одну из секций гигантского трюма № 3. Мерцающий экран от потолка до пола отделял ее от остального помещения, очевидно, чтобы предотвратить утечку инертного газа, который был туда закачан.

Оттуда, где находился Скеллор, было хорошо видно сторожевого дрона, висевшего на потолке подобно декоративному светильнику. Через свой модуль он вызвал специальную вирусную подпрограмму: теперь у него это получалось легче, так как перестало ощущаться постоянное присутствие чужеродного кристалла матрицы ИР – теперь он сам помнил программу и сам мог установить прямую связь со сторожевым дроном.

Скеллору показалось, что он даже услышал звук, сопровождавший установку канала связи. Вот подпрограмма загружается через канал, перекачивается из временной памяти его кристаллической матрицы в модуль, словно кислота из откупоренной бутылки... Внимательно наблюдая за процессом, он видел, как внутренняя защита дрона улетучивается спиральками информационного дыма и в виртуальном пространстве вирус расправляется с ней. В конце концов между дроном и "Оккамом" осталась действовать лишь одна программа, посылавшая корабельному ИР подтверждение о якобы исправности дрона.

Скеллор покосился на поясной хамелеон-генератор, напомилавший большую белую раковину улитки с пультом управления вместо отверстия, – оказывается, он выключил его за несколько минут до того, как прибор отключился бы самопроизвольно. Что ж, пока еще не удалось найти способ продлить срок работы прибора без подзарядки дольше нескольких часов.

Не упуская из виду показатели контроля дыхания на шлеме, Скеллор обследовал стены трюма и остановился перед мерцающим экраном. Подключившись к нему, он с удовлетворением обнаружил, что "Оккам" получает лишь сигнал, информирующий о работоспособности

⁴ Элизиум в греч. мифологии – обитель блаженных. (Прим. перев.)

экрана, а не сведения о том, что кто-то или что-то пересекает его. Двигаясь сквозь экран, Скеллор чувствовал сопротивление – ощущение было такое, словно его окружало густое желе.

Оказавшись в другой части трюма, он увидел, что дисплей шлема, на котором до того значилось только слово "аргон", теперь сообщал, что его окружает смесь газов, пригодная для дыхания. Значит, шлем можно снять. В ноздри ударил запах металла и работающей электроники, типичный для воздуха на космическом корабле. Он сел на пол трюма, прислонился к стене и закрыл глаза, пытаясь наладить контакт с кристаллической матрицей ИР.

Несомненно, что прямое взаимодействие с искусственным интеллектом чревато гибелью, так как вызовет разрушение всех нейронных связей подобно каскаду коротких замыканий, к тому же оно в некотором смысле вывело из строя и сам ИР. Сотни лет ученые пытались создать интеллект, более пригодный к соединению, но неизменно терпели поражение. Это неудивительно, поскольку такой контакт можно было бы сравнить с привариванием куска стали к свече. Скеллор нашел выход – нужно не приваривать, а использовать клей. Он как раз устанавливал прямое соединение, когда вдруг объявился этот негодяй – агент ЦСБЗ.

Теперь пора!

Яйцевидный контейнер в его руке был таким же порождением джайнтехнологии, как и его содержимое. Поскольку нанотехнологические продукты обладали способностью проникать даже сквозь инертные материалы, для их хранения требовалась особая упаковка.

Скеллор взвешивал свои шансы. Если он сохранит соединение с ИР без использования ядра джайнов, то умрет через несколько часов. Отсоединение модуля от кристалла матрицы вернет его в прежнее состояние, что неприемлемо, ведь уже сейчас он способен решать задачи, за которые никогда бы не взялся прежде. Нельзя исключать и ареста, а с учетом некоторых совершенных им действий его могут подвергнуть насильственной очистке сознания.

Он послал код инициации и наблюдал, как яйцо раскрылось подобно цветку, внутри оказалась меньшая по размеру копия контейнера. Это яйцо выглядело совсем небольшим – впрочем, отнюдь не колоссальными размерами обладала и бомба, способная уничтожить планету. Однако в определенном смысле это яйцо было... грандиозным. Скеллор до сих пор не мог прийти в себя от изумления, что именно он нашел этот предмет, хотя люди веками искали нечто подобное во всех мирах Правительства. Могущественные корпорации тратили миллиарды на исследования, целые планеты превращались в поля для археологических раскопок, мощнейшие ИР создавались с единственной целью – обнаружить что-либо подобное. Так где же он его нашел?

Планета была неприветлива, но не убийственно холодна. На ее поверхности росли листовые леса, и возраст деревьев не превышал пятидесяти лет, поскольку только пятьдесят лет назад сюда было направлено орбитальное зеркало, разогревшее планету до температуры, при которой могли существовать земные формы жизни. На полюсах постепенно таяли ледники; вода текла по прорытым каналам, заполняя углубления, которым суждено было стать океанами. Возле одного из них разместился космопорт, где, по слухам, предполагали установить рансибль.

Скеллор бродил по рынку, располагавшемуся неподалеку от строящейся океанской пристани, и уже собирался вернуться в гостиницу. День был холодный и сырой, к тому же сообщили, что с севера надвигалась буря. И вдруг чьи-то цепкие пальцы ухватили его за локоть.

– Эй, приятель, у меня есть кое-что, чего не увидишь на выставке, – сказала женщина.

Скеллор окинул продавщицу взглядом: она принадлежала к определенному типу – такие покупают билет к новым мирам, а затем не слишком утруждают себя работой для того, чтобы иметь возможность вести достойный образ жизни или же собрать деньги на новый переезд. Дешевая косметика, одежда потрепана, и этот взгляд, выражавший вечный страх перед обстоятельствами, которые не в силах изменить.

– Что, например? – спросил он.

Женщина поспешно вытащила из-под прилавка три коробки и открыла их. В первой оказались искусственные драгоценные камни – довольно удачная имитация, во второй – целая коллекция самых разнообразных модулей, способных за неделю превратить мозг в яичницу, а на дне третьей коробки лежали серое яйцо и кучка обломков кораллов.

"Где я раньше видел такие кораллы? "

– Что это? – указал он на них.

– Это настоящие кораллы, с Большого Барьерного рифа... С Земли.

– Как интересно, – иронично протянул Скеллор. Украсть, а затем вывезти оттуда коралл – все равно что попытаться обыграть в шахматы искусственный интеллект ЦСБЗ.

Стоп! Вспомнил! Нуда, конечно, в музее, располагавшемся в море Спокойствия на Луне! Они хранились в ящичке из полимеризованного стекла в охраняемой камере, которая, как все знали, могла быть катапультирована из музея в считанные секунды, чтобы затем ее настигла и уничтожила в космическом пространстве бомба на основе антиматерии.

– Хорошо, сколько вы хотите за них?

– Вам придется купить всю коробку, – ответила торговка. – Двадцать новокарфагенских шиллингов.

– Мне не нужно это яйцо, хватит и десяти. Взглянув на пурпурную тучу, клубившуюся на севере, женщина согласилась.

Яйцо изменило цвет, казалось, внутри его происходит какое-то движение. За годы исследований Скеллор убедился в том, что кораллы, безусловно, были джайнистскими – и, конечно же, бесполезными предметами. Пятнадцатилетнее изучение позволило ему проникнуть лишь в какой-нибудь один процент тайн яйца, но и этого оказалось достаточно, чтобы понять, что именно попало к нему в руки.

Он осторожно поднес яйцо к губам и протолкнул его в рот.

Усталым голосом взрослого, знающего, что будет дальше, женщина читала:

– "Третий братец построил свой домик из глиняных кирпичей и покрыл крышу глиняной черепицей. Он уже знал, как опасно быть самонадеянным, и молился за своих друзей, съеденных героем".

Мать взглянула на сына в надежде, что тот наконец уснул и ей уже не придется дочитывать сказку, которая раздражала ее своей неприкрытой жестокостью. К сожалению, мальчик по-прежнему смотрел на нее широко открытыми глазами.

– Поскольку его дом был построен из молитв, скреплен верой, а крыша покрыта... – Женщина замолчала, осознав, что забегает вперед и произносимые ею слова не имеют никакого отношения к тексту на странице. Наклонившись, чтобы получше видеть строчки, она начала заново: – "Ни уверенность, ни молитва не могли повлиять на героя... " Уверена, что еще вчера здесь ничего подобного не было, – пробормотала она.

Закрыв книгу, женщина обнаружила, что заголовок на обложке – "Моральные сказки" – обзавелся лишней буквой "т", превратившись в "Мортальные сказки"⁵.

– Мама? – нетерпеливо позвал малыш.

– А кто тут у нас баловник? – улыбнулась она, опять раскрывая книгу.

⁵ От лат. mortis (род. п.) – «смерть». (Прим. перев.)

Ребенок озадаченно посмотрел на нее, и чтение продолжалось:

– "И вот той же ночью он пришел и встал над домиком, пока братец молился Богу– Он клевал и клевал, клевал и клевал и опрокинул стены домика... " Как ты думаешь, что этот братец сказал героину, когда его домик развалился?

Ответ был хорошо знаком мальчику:

– Не ешь меня!

– Посмотрим, правильно ли ты догадался. Героин на ожившей картинке несколько раз подряд проглотил человечка в сутане священника...

Все началось после первого периода сна, когда члены клана по обыкновению тяжело отходили от расслабляющей дремоты. Апис проснулся раньше всех. Конечно, разрушение дома внушало ужас, но в то же время это событие, как никакое другое, удивительным образом взбудило его. Вскоре открыла глаза и его мать, она озабоченно посмотрела на сына.

Между тем Куланты постепенно просыпались, и некоторые из них бесцельно бродили по помещению. Ни у кого не было отдельной кабины, аутлинкеры размещались в огромном трюме, и единственное, что обеспечивало хоть какое-то уединение, – это пластиковые занавески, плавно раскачивавшиеся из-за низкой силы тяжести, очевидно поддерживаемой скорее за счет ускорения корабля, чем благодаря какой-либо гравитационной технике – так, по крайней мере, пояснил Апису Пирсворф. – Ступай, поищи распределитель пищи.

Властный тон матери заставил юношу тут же подчиниться. Он быстро нашел машину и взял продуктов, а еще контейнер с каким-то горячим питьем – никаких этикеток на распределителе не было. Апис не спеша возвращался, когда внезапно возникший шум заставил его двигаться быстрее.

В глубине трюма стояли двое вооруженных мужчин, по телосложению явно привыкших к нормальной гравитации, в белых бронированных костюмах, особенностью которых была надпись на неизвестном языке – строка темных букв шла от подмышки к щиколотке. Несмотря на шлем, который прикреплялся к обручу из белого металла, обхватывавшему шею, часть головы оставалась открытой, поэтому на незнакомцах можно было рассмотреть чешуйчатые модули, напоминавшие какие-то органические образования.

– Нам нужно пятеро человек, и немедленно, – заявил один из них почти безразличным тоном.

Соплеменники Аписа с озадаченным видом уставились на солдат в незнакомой форме, затем посыпались вопросы, и шум голосов перекрыл бас какого-то старика.

– Ничего! Я ничего не слышу.

Приказ был повторен более настойчиво; Куланты приблизились к солдатам, которых явно удивила такая реакция. Апис не видел и не слышал, что спровоцировало дальнейшее происшествие. Он лишь успел заметить, как тот солдат, который до сих пор не проронил ни слова, поднял автомат, а потом раздался треск ломающихся костей. Толпа бросилась к женщине, медленно оседавшей на пол. Наступила тишина.

– Нам нужно пятеро человек. – Тон голоса солдата не изменился, но все попятились назад. – Немедленно, – добавил он, потрясая оружием в качестве аргумента.

Из толпы выступил Пирсворф – Апису нравилось считать его своим отцом.

– Разрешите нам поговорить с искусственным интеллектом корабля. Это невыносимо! Мы что, животные, чтобы обращаться с нами подобным образом?

Пирсворф указал на раненую женщину. Юный Кулант, проследив за его жестом взглядом, вздрогнул: несчастной выстрелом снесло часть черепа, и она уже не дышала. Окружившие ее собратья, судя по всему, отказывались понимать, что перед ними мертвец.

Солдат поднял затемненный щиток и посмотрел на Пирсворфа, на его губах мелькнула усмешка.

– Мы не допускаем, чтобы силикон распоряжался нашими жизнями. На этом корабле нет искусственных мозгов. Благодарение Богу, все под контролем людей, в том числе корабль и оружие.

Все притихли в изумлении; установилась тишина, еще более глубокая, чем та, которую спровоцировало убийство.

– Она умерла, – пробормотал кто-то. Пирсворф недоуменно посмотрел на говорившего, словно тот произнес какую-то чушь, и затем обратился к солдатам:

– Вы убили ее...

– Да, и будут убиты другие, если пятеро не пойдут с нами сию же минуту.

– Зачем?..

– Нам нужно пять пар рабочих рук для помощи в машинном отделении.

– В машинном отделении?

"С каких это пор люди работают в машинном отделении корабля? На это есть автоматика или роботы". – Немедленно!

Солдат поднял вверх ружье – весьма примитивной конструкции – и нажал на кнопку. Послышалось легкое гудение, что-то ударило в потолок, и на поверхности металла появились вмятины.

Заметно волнуясь, несколько аутлинкеров шагнули вперед, их вывели через дверь.

Апис повернулся, намереваясь броситься к матери, но она уже стояла рядом. Они молча посмотрели в глаза друг другу. Потом, когда спустя несколько часов их соплеменники возвратились – грязные, уставшие, с ярко сияющими на поясах индикаторами полученной дозы радиации, – сын с матерью снова обменялись взглядами. Вне всякого сомнения, они попали в руки варваров.

– Я дьякон Чейсу с военного корабля "Генерал Пат-н"⁶ – спустя некоторое время сообщил человек, появившийся на экране. – Прискорбно, что одна из вас была убита сегодня – да упокоит ее душу Господь. Своим спасением вы обязаны народу планеты Масада, истинно верующих в Господа. Какая-то доля вашего долга перед ним может быть искуплена трудом на этом корабле, и затем на космодроме... – Дьякон продолжал рассуждать о том, сколько прекрасных свершений предстояло им впереди, в каких чудесных проектах они могли в будущем принять участие. Своих соотечественников он называл защитниками человечества. – Возможно, кто-то из вас слышал историю, произошедшую в системе Астер Колора, а также о недавних событиях на планете Самарканд. В последнем случае тысячи людей были убиты трансгалактическим прислужником Сатаны, называющим себя драконом. Он использовал наномицелий, чтобы вывести из строя буферы межзвездного рансибля, в результате один человек переместился на Самарканд в виде фотонной формы материи. Его прибытие стало причиной термоядерного взрыва, который привел ко многим жертвам. А сколько людей погибло после этого? Ведь Самарканд был холодным миром, согреваемым за счет энергии, получаемой от рансибля. Знайте же, что для разрушения «Миранды» был использован тот же наномицелий – именно дракон лишил вас дома. Теперь вы должны работать, чтобы...

И Чейсу продолжал в том же духе. Каждый раз, когда он произносил фразу "Господь защитит истинно верующих", присутствующим казалось, что речь закончилась, однако все повторялось сначала.

– Это их пропагандист, – предположил кто-то.

⁶ Томас Паттен Стаффорд (род. 1930) – американский астронавт, бригадный генерал, в 1965 и 1966 гг. совершивший полеты на кораблях «Джемини», в 1968 г. впервые облетевший Луну на модуле корабля «Аполлон-10» и в 1975 г. возглавлявший экипаж «Аполлона-18», участвовавшего в выполнении советско-американского космического проекта. (Прим. ред.)

– А они религиозны, – заметила мать Аписа.

– Ну и что? – спросил тот же голос.

– Значит, верят в собственную пропаганду. Все начинается со слова, – глубокомысленно добавила она.

– Что же будет? – Юный Кулант растерянно оглянулся.

– Есть одно древнее слово, которое очень подходит к нашему будущему положению, – со вздохом сказал один из аутлинкеров.

– Какое же? – поинтересовался Апис.

– Рабы. – Ответ матери был краток.

Спроны оказались крылатыми существами со стального цвета кожей, длиной около десяти сантиметров. Пруды, в которых их выращивали, были сверху затянуты сетями, чтобы не дать им разлететься. Дорогостоящий деликатес, предназначенный для столов верхушки Теократии и для торгового обмена на предметы роскоши, поставляемые из других миров, требовал неустанных забот.

– Говорят, это адаптированные к местной среде земные животные, – сказал Фетан – они с Эльдиной рыли канаву к одному из прудов.

– Знаете, я скорее готова поверить вашим рассказам о так называемом подполье, чем в истории про Землю.

– Почему?

Судя по голосу Фетана, его задела недоверчивость собеседницы. Эльдина смотрела на клубок зеленых нематод, которых выкопал старик; извиваясь, они спешили снова зарыться в черную грязь.

– Великая мифическая империя, где каждый свободен и владеет своей долей общего достатка! Я могу понять разницу между возможным и выдуманым. Если даже Земля существует, она далеко отсюда и не в состоянии нам помочь. А что касается этого Правительства, которым управляют богоподобные искусственные интеллекты... – Усмехнувшись, девушка налегла на лопату.

– Но все это правда!

– О да! Тогда почему в космопорте нет торговых судов с Земли?

– Откуда тебе известно, что их нет?

– Ну, если какие-то из них из зоны Правительства, то их больше всего интересуют закупки эссенции из сквермов и спронов.

Язвительный тон Эльдины был вызван частыми экскурсиями, которые организовывал для покупателей викарий поселения Киприан: чужеземцы внешне никак не выражали свою озабоченность судьбой надрывавшихся на прудах рабочих.

– Это мерзавцы из приграничной зоны, – уточнил фетан.

– Да, а я мама габбьдака.

На этом беседа закончилась, потому что послышался шум аэрофана Болюса, приземлившегося неподалеку. Они продолжали копать молча, постепенно приближаясь к тяжелому стальному шлюзу. Прежде чем наполнить пруд водой, им еще предстояло натянуть сеть.

Вдруг резкий крик заставил их выглянуть из глубокой канавы.

– Это там, где работают Катол и Дент!

Фетан проворно выскочил из канавы и кинулся в направлении крика. Поспешив следом, Эльдина увидела Болюса, стоявшего рядом с канавой, которую копали их товарищи, и Дента, распростертого у его ног. Что касается Катола, то его придавили под водой опустившиеся ворота шлюза.

Он... хочет... убить... нас... – с трудом выдохнул Дент.

Отправляйтесь на свое рабочее место, – приказал Волюс, оторвав равнодушный взгляд от несчастного Катола.

"Катол, похоже, уже мертв, – подумала Эльдина. – Впрочем, странно, что ворота шлюза опустелись. Неужели убийство?"

Она сделала произвольный шаг вперед. Проктор преградил ей дорогу, дубинка сначала ткнула ее в бок, а потом удар пришелся по сколи. Вскрикнув от боли, девушка не удержалась на ногах, бок обожгло так, словно ее погрузили в кислоту, сколь забилась на груди.

Катаясь по земле, Эльдина успела заметить, что Волюс вытащил пистолет, хладнокровно прицелился и выстрелом в голову убил Дента. Задыхаясь и едва не теряя сознание от боли и нехватки кислорода, Эльдина в отчаянии взглянула на Фетана:

"Беги отсюда, пока не поздно".

Но старик никуда не спешил.

– Знаешь, – тихо сказал он, глядя на нее, – я могу выдержать многое.

С этими словами он пошел прямо на проктора; две пули, посланные ему в грудь, не причинили ему вреда. Фетан остановился и рукой насквозь проткнул тело Волюса.

Уже у двадцати аутлинкеров радиационные датчики окрасились в янтарный цвет, когда с пугающе сильными толчками «Генерал Паттен» покинул подпространство. Проповеди по трансляции продолжались, впрочем, уже после первого повтора все перестали обращать на них внимание. Те двадцать, кого посылали работать в машинное отделение, рассказывали о примитивной технике, отсутствии автоматики, о том, что им пришлось трудиться под прицелами автоматов и при утечке радиации. Итак, можно было сделать самый неутешительный вывод относительно предполагаемой участи клана Кулантов, хотя некоторые моменты еще смущали Аписа.

– Они называли ИР "дурацким силиконом", как и сепаратисты, и все-таки у них есть модули, – сказал он матери.

Пирсворф, подошедший к ним, чтобы разделить трапезу и беседу, кивнул с улыбкой.

– На мой взгляд, это какая-то биотехнология, но определенно не силикон. Пусть они "не позволяют силикону управлять их жизнями", но это вовсе не значит, что ими никто не управляет.

Хотя это звучало правдоподобно, по взволнованным взглядам, которыми обменялись Пирсворф и мать, Апис понял, что здесь может скрываться что-то еще. Разговор о модулях и их отличиях продолжался, но вскоре юного Куланта сморил сон. Оставив попытки узнать как можно больше о ситуации, он уже ухватился за край своего ложа и собрался лечь, как вдруг из-за резкого усиления силы тяжести его бросило на пол, а потом швырнуло к стене. Раздался грохот, Апису сдавило грудь.

– Слишком быстрый маневр, – предположил кто-то. – ИР наверняка бы компенсировал.

Завыла сирена, замигали красные лампочки на потолке помещения и над внутренней дверью. Новый треск. Корабль задрожал.

– О нет! – обреченно произнес знакомый голос, но со странными интонациями.

Апис обернулся: оказывается, это говорила его мать, не спуская глаз с потолка. Он тоже взглянул вверх и увидел, как по всей длине трюма выгибается металл.

– Что нам делать? – спросил он.

Еще удар... Корабль швырнуло в сторону... Мать склонила голову, прислушиваясь к отзвукам скрежетавшего металла, крикам и взрывам.

– Какая-то сила разрывает корабль на части, – озадаченно заметила она. – Может быть, гравитация... черная дыра? Они же не могли слишком приблизиться к какой-нибудь планете? Даже они не могут быть настолько некомпетентными...

Затем потолок разошелся по шву, и в помещение проникло щупальце толщиной с туловище человека, заканчивавшееся чем-то вроде головы кобры, в пасти которой находился единственный глаз.

Дракон! – завопила мать. – Бежим!

Но куда бежать? словно в ответ, вдруг распахнулась дальняя дверь помещения. Вместе с матерью Апис первым успел добраться до нее.

– Солдаты, – сообщил он, выглянув за дверь и увидев людей в форме, мчавшихся по коридору, они цеплялись за расположенные на одинаковом расстоянии друг от друга поручни. Юноша обернулся к матери и добавил: – У них здесь нет гравитационных плит.

– Примитивный корабль, что и говорить. В это мгновение все дружно устремили взгляды вверх: еще одна псевдоподия проникла сквозь пролом в потолке. Корабль опять встряхнуло; лампочки замигали и в коридоре. Апис снова выглянул в коридор и увидел, как последние солдаты исчезли за поворотом.

"Генерал Паттен" накренился, аутлинкер швырнуло в сторону разбитого потолка... а глаза дракона внимательно наблюдали за происходящим.

– Мы можем пройти по коридору! – крикнул Апис и устремился вперед.

Он преодолел уже половину расстояния до поворота, когда остальные последовали за ним, мать бежала впереди.

Раздался взрыв, сквозь пролом в коридор устремилось пламя, оно зависло в воздухе слоями, подобно туману, так как из-за отсутствия силы тяжести огонь не принимал своей обычной формы. Юноша слышал вопли, видел мечущиеся тени...

– Вперед! – толкнула его мать в плечо. – Они направляются к спасательной шлюпке! Видишь шахту?

Карабкаясь вверх по шахте, они с Аписом последовали за солдатами; гонимые страхом, те не обращали никакого внимания на своих пленников. В любой момент все обитатели корабля могли оказаться в вакууме.

Шахта вела к другому коридору, который заканчивался люком. Едва Апис с матерью проскользнули в него и оказались в шлюпке – несколько человек в униформе двигались позади них, – как прогремел взрыв и люк захлопнулся, придавив пролезавшего через него солдата.

Корпус спасательной шлюпки заскрежетал, и она отделилась от корабля. Сначала люди беспорядочно плавали в невесомости по ее салону. Раздался приказ, и солдаты устремились к сиденьям и пристегнулись, Апис с матерью последовали их примеру. Взывший на себя командование офицер завис в переходе между кабиной и пассажирским салоном и следил за действиями экипажа. За приборной доской сидели пилот и штурман; на основном экране виднелись мерцавшие звезды. Аутлинкер вытянул шею, чтобы взглянуть на нижние экраны, куда выводилось изображение с камер, установленных в разных частях корпуса. Он едва узнал контур корабля, спасшего их с "Миранды", затем его внимание привлекли хаотическое сплетение псевдоподий и темный шар – очевидно, тело дракона.

Заметив на себе пристальный взгляд офицера, юноша вжался в кресло.

– Обезвредить этих двоих, – указал на них командир. Все повернули головы в их сторону, солдаты устремились к ним с мотками пластиковых веревок.

– В этом нет необходимости! – умоляла мать Аписа. – Мы не можем навредить вам. У нас нет сил...

Солдат ударил ее по лицу, чтобы заставить замолчать. Любой человек, привыкший к нормальной силе тяжести, легко бы перенес удар, но женщина потеряла сознание. Солдат с удивлением уставился на нее, потом повернулся к командиру, и тот кивком велел ему выполнять приказ. Апис вытянул руки вперед, чтобы их связали, с беспокойством косясь на мать, и, лишь убедившись, что она дышит, опять стал осматриваться вокруг. В голове навязчиво стучало: "Маме нужна медицинская помощь, Надо срочно что-то предпринять".

Исследовательская станция по изучению черных выдр Располагалась на берегу поросшей папирусом бухты в окружении холмов, напоминавших животных с огромными горбами. Их склоны большей частью покрывали шиповник, папоротник и другие земные растения, занявшие экологические ниши, свободные от местных видов. На волнистых равнинах позади бухты, по обе стороны гор, рос только папирус и другие местные виды, безразличные к ядовитой почве. В этом модифицированном мире определенное исключение составляло море, насыщенное солями меди, где под сенью папируса плескались стайки причудливых местных животных.

Киллера превосходно скрывал густой кустарник, похожий на земной барбарис. Где-то наверху под порывами постоянно дувшего ветра шелестел густой папоротник. Убедившись, что установленный им треногий штатив на каменном выступе одного из холмов закреплен прочно и не шатается, Стайл – это было его вымышленное имя – наклонился над кейсом и принялся со знанием дела собирать оружие, которое в нем находилось. Внешне оно напоминало охотничье ружье, только ствол был длиной в метр и толщиной с карандаш, а к корпусу крепились всевозможные дисплеи и панели управления. Киллер установил ружье на штативе и, прежде чем прикрепить глушитель, наклонился к прицелу с десятикратным увеличением.

Ограда окружала здание на расстоянии в полкилометра, и он знал, что внутренняя территория была снабжена сенсорами, способными уловить каждый вздох любого, кто осмелился бы проникнуть за нее, минуя снабженные автоматическим оружием вышки. Охранники, среди которых были не только люди, но и дроны, время от времени патрулировали пространство за пределами ограждения. Но никакая охрана не могла остановить такого стрелка, как Стайл, способного поразить цель с расстояния в четыре километра. Усмехнувшись, он навел ружье на заднюю дверь особняка.

Теперь оставалось только ждать. Он закурил сигарету и стал наблюдать за огромными черными выдрами, охотившимися в серых маслянистых водах среди зарослей папируса. Стайл знал, что за ним сейчас присматривают двое шпионов, скрывавшихся среди папоротников на склоне, но это не вызывало особого беспокойства. Ничего предосудительного в его действиях не было – о чем они смогут доложить своим хозяевам? А потом Стайл даст им понять, что заметил их присутствие, чтобы показать свой профессионализм, и это лишь добавит ему очков.

Дверь распахнулась, и появились две женщины в купальниках, несшие акваланги и прочие устройства для погружения под воду. Они направились к одному из антигравитационных автомобилей. Но вовсе не их поджидал Стайл. В ближайшие двадцать минут особняк должен был покинуть Джон Спейдер. Он строго следовал своим привычкам – не самый надежный способ обеспечения безопасности для любого, облеченного властью на Чейне III, так легко было стать объектом покушения, похищения и любого другого злого умысла сепаратистов. Сегодня предполагалось убийство, и, против обыкновения, для этой задачи сепаратистами был нанят чужой – впрочем, с соответствующей репутацией.

Спейдер вышел из здания точно вовремя. Стайл прицелился ему в голову, коснулся одной из панелей оружия и подождал, пока под прицелом не появилось слово "наведено". При выстреле не было слышно никакого звука, как не последовало и других событий. Пуле со скоростью ниже скорости звука нужно было время, чтобы достичь цели, и, хотя Спейдер и продолжал движение, он оставался под прицелом. Наконец голова жертвы взорвалась, кости и мозги разлетелись в стороны, а скальп и уцелевшая часть лица совершили кульбит в воздухе. Стайл улыбнулся и погладил вандейковскую бородку. Сейчас он походил на дьявола, каким его изображали на иллюстрациях в древних книгах. Наблюдатели в кустах на склоне больше всего сейчас хотели, чтобы их присутствие осталось незамеченным. Ходили слухи, что до того, как стать наемным убийцей, Стайл был спаркингом, а с такими личностями лучше не связываться.

Упаковав оружие и сложив штатив, киллер поднялся вверх по склону холма – со стороны сейчас его можно было принять за ученого-орнитолога, если бы на Чейне III водились птицы.

Через полчаса он добрался до своего антиграва и направился в город; через некоторое время его машина уже следовала по шоссе, ничем не отличаясь от остальных.

Гордонстон состоял большей частью из приземистых строений, над которыми возвышались пластобетонные башни – отели или офисы богатых корпораций Правительства. Стайл ехал с высокой скоростью, так как медленная езда сразу бы привлекла внимание полицейских.

Он припарковался на стоянке рядом с аркообразным отелем и, прежде чем выйти из машины, установил в ней специальное устройство. Если бы кто-нибудь забрался внутрь, вспышка плазмы в багажнике превратила бы оставленное там оружие в неидентифицируемую золу.

Мужчина и женщина, по виду принадлежавшие к культуре, знающей, что такое рансибли, наблюдали за ним из бара возле бассейна. Проходя мимо них к стойке, Стайл заметил чешуйчатые модули на их головах. Заказав себе напиток, он сначала посмотрел стакан на свет, а затем с удовольствием ощутил на языке вяжущее действие таявшего льда, которому слабый наркотик придавал своеобразный привкус. Заплатив за выпивку и получив чип-карту обратно, Стайл повернулся к сидевшей паре и протянул карту.

– Думаю, у вас есть для меня кое-что.

Они переглянулись, затем женщина сняла солнцезащитные очки и внимательно посмотрела на Стайла. Она была привлекательна – хотя достижения косметологии позволяли любой женщине стать привлекательной. Впрочем, эта особа относилась к тем, кому не обязательно было прибегать к пластической хирургии.

– С чего вы взяли? – спросила она. Положив карту на стойку, Стайл жестом остановил хромированную руку металлического бармена.

– Вы работаете на Брома и вот уже десять дней следите за мной. Ваши двое соглядатаев уже доложили вам о происшедшем на берегу Бухты черных выдр?

Мужчина и женщина не смогли скрыть замешательство. Очевидно, они полагали, что их слежка осталась незамеченной. Стайл ничем не выдал своего презрения к ним. Любители – как только им удавалось так долго держаться на плаву?

– Наверное, вы считаете себя асом? – поинтересовался спутник красоты.

Стайл хотел угостить его парой ударов, но сдержался: ему еще не заплатили. Он пожал плечами, сохраняя непроницаемое выражение лица. Женщина покачала головой и, достав из сумочки другую чип-карту, шагнула к нему.

– Хорошо сработано! – Ее рука как бы случайно коснулась его груди.

Затем, совместив карты, женщина перевела нужную сумму. Стайл допил напиток и взял свою карту.

– Чудное местечко, – сказал он, проверив счет.

– Мы будем на связи. Возможно, у нас найдется для вас работа... потруднее, – сказала женщина.

Киллер кивнул и вышел. Проходя мимо бассейна, он с интересом разглядывал обнаженные тела женщин и мужчин, любителей настоящего солнца.

Оказавшись в номере, Стайл запер дверь и установил на ней датчик. Любое движение снаружи – и он получит сигнал тревоги. Быстро просканировав комнату, он обнаружил и вывел из строя пять "жучков", причем два из них оказались микроскопических размеров – красавица успела закрепить их на его рубашке. Маленькая вибрирующая наклейка на стекле окна предупреждала о возможности подслушивания его разговоров в номере с помощью лазерного луча. Еще одно сканирование – на наличие оптики в стенах.

Стайл решил принять душ, так как отличался старомодностью в отношении подобных вещей. Под струями воды он активировал напульсный коммуникатор.

– Это Патран Торн. Уже сообщали об убийстве?

– Да, – ответил ИР рансибля Чейна III слегка гнусавым голосом, из-за того что сигнал передавался прямо с Цереба, на котором он располагался. Использование искусственного спутника в качестве ретранслятора было бы слишком рискованным.

– Они останутся на связи. Очевидно, готовят для меня что-то потруднее.

– Очередное убийство?

– Может быть. Если так, то не исключено, что мне придется отказаться, если при этом я не смогу подобраться ближе к Брому.

– Решение принимайте сами, – ответил ИР, теперь его голос слышался четче. – Помните о том, что ваша миссия ограничена во времени, вы можете понадобится в другом месте.

– Почему?

– Недавно была разрушена автономная станция, и к этому может быть причастен один из шаров дракона.

– А Кормак?

– Он уже направляется туда. Торн присвистнул.

– Одно не лучше другого! Интересно, есть ли тут какая-то связь с модулями производства "Драконкорпорации" или с еще какой-нибудь технологией?

– "Дракокорпорации", – поправил искусственный интеллект. – Название изменено.

– Так связь есть или нет?

– Почти явная, но ваша главная миссия здесь – найти логово Брома и вызвать свою команду, чтобы... разобраться с этим. Дайте другим время для оценки общей картины.

– О, разумеется.

Как расплывчато выражаются ИР, когда речь заходит о подобных вещах! Странно, что силиконовый мозг не произнес характерную фразу: "Это за пределами поля для обсуждений".

Он переключился на другой канал.

– Говорит Торн. Вы где сейчас?

– Этажом ниже, – ответил командир отряда из четырех человек, который прикрывал его в отеле.

– Отлично, будьте поблизости и ждите моего сигнала. Если я вызову, немедленно ко мне! И никаких отговорок.

– Как прикажете.

Отключив коммуникатор, Патран вышел из душа и в качестве высокооплачиваемого киллера Стайла отправился на поиск развлечений в обществе одной из красоток, которую он приглядел возле бассейна. Теперь все было не так, как в старые добрые времена, ему не доставало старого друга. Раньше они с Гангом прикрывали друг друга. Но в те дни он был солдатом, спаркингом, а не секретным агентом ЦСБЗ. Будь проклят Самарканд, изменивший его жизнь!

С возраставшим беспокойством Апис прислушивался к обрывкам разговоров вокруг. Странные люди, разве у них нет возможности молча общаться через биотехнологические модули? Хотя он теоретически и знал, что такое молитва, ему не хватало опыта, чтобы распознать это действие. Юный Кулант наблюдал за сидевшим рядом мужчиной с окровавленным куском материи на животе; его заинтересовали четки, каждая бусина которых была в форме крошечного черепа. Раненый крепко сжимал их в пальцах, испачканных запекшейся кровью, и бормотал что-то себе под нос на непонятном языке. Он что, безумен? Зачем разговаривать с богами? Апис готов был понять только целесообразность реальной беседы между реальными людьми.

– Как далеко? – Командир обращался к офицеру, который был занят проверкой показаний приборов и дисплеев, между делом он сосредоточенно поглаживал свой модуль.

– Примерно год полета, хотя есть и альтернативы.

– Ланг, я не желаю слышать ни о каких альтернативах. Только Масада. Как у нас с запасами?

– Вода будет циклически возобновляться. Пищи должно хватить – только-только. Но я не исключаю дефицит.

– Тяготы укрепляют веру, – произнес командир.

Казалось, это их обычная манера выражаться – использовать целые фразы, в которых заключался смысл всего лишь одного слова.

– Да, я понимаю, но нам предстоит не просто тяготы, – ответил Ланг.

– С молитвой никакие проблемы не страшны.

Ланг посмотрел в глаза командиру! – очевидно, между ними происходил молчаливый обмен мнениями. Затем командир перевел взгляд на раненых солдат, потом – на Аписа и его мать. Между тем молитвы звучали все громче и громче, несколько человек уже истово причитали, опустившись на колени. Командир снова повернулся к Лангу и через секунду кивнул ему. Кулант пытался растолкать мать, чтобы вернуть ее в сознание, но... лучше ей оставаться в прежнем состоянии, по крайней мере пока, – потому что четверо солдат схватили их обоих и потащили к воздушному шлюзу.

Видимо, чувство собственного достоинства заставило Аписа заговорить, хотя он понимал, что солдаты могли, разозлившись, просто убить его.

– Мы не можем умереть связанными. – Юноша обращался к белолицему солдату, железной хваткой державшему его за хрупкое плечо. Они уже были возле шлюза, и другой солдат крутил колесо. Колесо? Неужели шлюз открывается вручную? Ну чем не безумие! Тем временем Кулант придумал, что сказать дальше: – Разве вы хотите, чтобы мы предстали перед Господом в путах?

Как ни странно, эта фраза оказалась к месту. Со смущенным видом солдат достал нож и разрезал пластиковые веревки на запястьях и щиколотках пленника. Однако он не проявил подобного великодушия к его матери.

Затем аутлинкеров втиснули в замкнутое пространство шлюза, и люк за ними захлопнулся.

Апис, чей организм обладал способностью к усиленной гипервентиляции легких, принялся глубоко дышать. Как бы ему хотелось, чтобы и мама смогла сейчас проделать то же самое!

Когда стали откачивать воздух из шлюза, от перенасыщения клеток кислородом уже кружилась голова. Юноша взялся за веревку, которой были перевязаны запястья матери, и зацепил ее за крюк на боковой стене шлюза. Хорошо, что у тех внутри ограниченный запас воздуха, иначе бы они просто открыли внешний люк и выбросили бы их с матерью в открытый космос.

Он выпустил некоторое количество воздуха из легких, а потом закрыл ноздри, уши и задний проход. Слюна на губах превратилась в смолу, закупорив рот. Тело его раздулось, мигательные перепонки опустились на глаза. Тело матери тоже в два раза увеличилось в объеме, оно проделало те же операции без подключения сознания. У нее будет в запасе сорок – пятьдесят минут, у него – несколько больше.

Внешний люк открылся в безвоздушное пространство космоса. Апис размышлял над дальнейшими действиями. Он не хотел терять времени, но понимал, что спешка не даст результата, потому следовало все тщательным образом обдумать. Если их с матерью найдут в шлюзе еще живыми, солдаты постараются к следующему открытию люка исправить свою оплошность, то есть убьют их. Кулант осмотрел интерьер шлюза и заметил встроенный в стену шкаф. Открыв его, он обнаружил внутри два защитных костюма с небольшими резервуарами кислорода, несколько мотков веревки и две канистры с веществом для герметизации возможных повреждений корпуса. Юноша вытащил костюмы и пару мотков веревок и уже собрался натя-

нуть один из костюмов на мать, как вдруг увидел, что внешний люк закрывается. Вперед! Он вылез наружу, увлекая за собой бесчувственное тело матери.

В отсутствие воздуха звезды светили ярко, и внешние контуры корпуса шлюпки были отчетливо видны. Несколько обломков летели параллельным с ней курсом, но ближайший к нему ионный двигатель загорался обзор. Апис старался не думать о том, что случилось с его соплеменниками. В их положении выжить в вакууме в течение часа было невозможно. Привязавшись к корпусу шлюпки веревкой, он взялся за непростую задачу – надеть защитный костюм на раздувшееся тело матери. Несмотря на то что все крепления были расслаблены до отказа, костюм едва налез на нее. Когда он повернул вентиль и открыл доступ кислорода, костюм принял форму тела и стал упругим.

"Теперь мама скоро придет в сознание, – подумал Апис. – Вот только окажется в слишком просторном для себя костюме".

Он привязал ее к корпусу шлюпки, справившись с этим как раз в тот момент, когда наружный люк вновь стал открываться.

Это был тот самый мужчина, что сидел с ним рядом, но Апис смог узнать его лишь по четкам и характерной ране в животе. Несчастный стоял в люке с бессильно повисшими руками, глаза вылезли из орбит, испарявшаяся из раны кровь клубилась вокруг, рот искажился в страшном крике, которого никто не мог услышать. На какой-то момент юноша попытался задержать его, потом отпустил – уже мертвое тело.

В шлюзе появилась следующая жертва – мужчина, цеплявшийся левой рукой за поручень, правая отсутствовала почти до самого плеча. На его лице застыло выражение ужаса, между тем замерзшие клочья плоти оторвались от костей черепа и завертелись вокруг головы. Пошел ли солдат в шлюз добровольно или был слишком тяжело ранен, чтобы сопротивляться? Сопротивление в подобной ситуации равнялось безумию. Апис заметил, что у солдата было оружие, но тот им даже не воспользовался в целях самозащиты. Что ж, тогда оно поможет Кулантам. Юноша осмотрел лазерный пистолет, потом обследовал примитивный механизм замков люков внутри шлюза.

"Если хочешь выжить, ты тоже должен проявить подлинное безумие".

Апис схватил мать и затащил ее внутрь шлюза. Сделав это, он нацелил пистолет на панель управления люком и нажал курок. Выстрела не было слышно, в жутком безмолвии все блоки устройства мгновенно расплавились и испарились. Дверь внешнего люка, уже медленно закрывавшаяся, остановилась. Юноша убрал пистолет и попробовал вручную регулировать ее – и это ему удалось! Он бросился к внутреннему люку и осмотрел его ручное управление, но не успел ничего предпринять, как снаружи вспыхнул какой-то свет – наверное, включились ионные двигатели, – и силой гравитации аутлинкера притянуло к стене шлюза. Снова приняв удобную позу, Кулант осмотрел контрольную панель, испытывая самый настоящий ужас перед тем, что он сейчас вынужден будет сделать.

Контрольные панели управляли только гидравликой, так что не требовалось больших физических усилий, чтобы открыть любой люк. Обнаружив только два вакуумных сенсора, Апис осмотрел их, прежде чем уничтожить. Недостаток приборов, следивших за безопасностью, не удивил аутлинкера: очевидно, эти люди не слишком высоко ценили человеческую жизнь. Он закрепил пистолет на поясе и стал вращать колесо, открывавшее внутренний люк... а внешний оставался открытым.

Эльдина лежала ничком на мягкой земле и слышала какой-то легкий шелест, похожий на музыку. Сознание с фрагментами воспоминаний постепенно возвращалось к ней. Ее жестоко ударили дубинкой, затем мучительное удушье... Дент у ног зрителя... потом Фетан идет прямо на Волюса, тот в него стреляет, но старик бросается в ответную атаку... Девушка не

могла понять, как последнее могло произойти наяву, и у нее появилось жуткое предчувствие: вот сейчас она откроет глаза и увидит нечто ужасное – карцер или даже собственную казнь.

Однако, открыв глаза, Эльдина была не на шутку озадачена представшей ее глазам картиной.

Земля была густо усеяна пятнами мха, неподалеку валялась пустая раковина трикона, а в небольших круглых лужицах, напоминавших россыпь опаловых монет, отражалась Калипсо, газовая планета-гигант. Подняв голову, она разглядела заросли тростника – именно оттуда доносилась "музыка", издаваемая полыми стеблями белесой травы. Вблизи зарослей виднелся небольшой бугорок – под ним неглубоко под землей мог скрываться живой трикон.

Как она здесь очутилась? Местность походила на дикую неосвоенную территорию, какую она за всю жизнь видела лишь раз, когда ее отправили на расчистку нового участка. Ну разумеется, проктор Волюс выбросил ее здесь, чтобы она погибла без таблеток, побуждавших сколь держаться за ее тело. Смотрителю ничего не стоит найти подходящее оправдание, чтобы снять с себя ответственность за ее смерть...

Сзади послышался скрежет металла.

Сначала Эльдина не осмелилась даже шелохнуться, но непреодолимое чувство самосохранения заставило ее медленно обернуться, чтобы понять, откуда исходил шум. Не может быть! Возле аэрофана Болюса на корточках примостился Фетан, контрольная панель машины была разобрана на части, и он копался в сложном механизме. Старик жив, значит... нет, это невозможно! И все-таки проктора рядом не было – выходит, Фетан как-то смог отомстить ему с помощью припрятанного ножа.

Эльдина села, и он посмотрел в ее сторону.

– Как себя чувствуешь, девочка?

– Мне уже лучше.

В горле у нее пересохло, и речь давалась ей с трудом. Что-то странное творилось со стариком: так, на его груди под спецодеждой уже не было заметно никакой выпуклости. Где же сколь? Неизменная спутница раба валялась на земле рядом с деталями аэрофана. Эльдина в изумлении смотрела на нее, стараясь сопоставить этот факт с тем, что ее приятель, очевидно, не испытывал никаких затруднений с дыханием. Но без сколи он должен был умереть! Девушка уставилась на него, ожидая каких-нибудь объяснений, впрочем, дальнейшие события лишь усилили ее недоумение.

– Они быстро нападут на след этой штуковины. – Фе^ тан махнул в сторону аэрофана каким-то цилиндрическим инструментом с красными огоньками. – Я хочу поднять его в воздух, чтобы они нанесли удар, тогда они сочтут, что поймали нас.

С этими словами старик взглянул на цилиндр, который держал в руке, потом потянулся и нажал пальцем на свою сколь. И она вдруг... открылась, оказавшись на самом деле чем-то вроде закамуфлированной под насекомое сумки! Фетан положил в нее инструмент и достал другой, затем продолжил заниматься панелью управления.

– Как вам удалось выжить? – спросила Эльдина.

– Вопросы, касавшиеся жизни и смерти, веками волновали философов. – Он усмехнулся. – Конечно, в моем случае можно поспорить, до какой степени я жив.

Девушка растерялась.

– Волюс дважды выстрелил в вас, а еще... теперь у вас нет сколи. – Она опять взглянула на открытую сумку, сообразив, что Фетан всегда обходился без паразита. – Вы ведь убили проктора, рукой... взяли и убили.

– Ну, девочка, тебе непросто в это поверить, но все, что я тебе рассказывал, – правда: есть Правительство, есть и подполье – и есть надежда.

– Но это не объясняет, почему вы до сих пор живы!

– Верно, – пожал плечами старик. – Дело в том, что я не совсем человек, а скорее машина. А сейчас я послан сюда Правительством для того, чтобы помочь вашему на-Р°АУ устроить революцию.

– Чепуха! – Эльдина почти всегда так говорила, прослушав его странные истории.

Фетан некоторое время пристально смотрел на нее, потом потянулся и схватил одну из стальных перекладин аэрофана. Не спуская глаз с девушки, он вывернул перекладину с ее места и обвил металлический прут вокруг руки, словно тот был из размягченной глины.

– Учти, девочка, я не совсем машина, а весьма крепкий старичок, так что тебе лучше держать язычок за зубами.

Позже, когда Фетан достал из сумки еще один инструмент, чтобы вынуть из своего тела две стальные пули, Эльдина окончательно и бесповоротно решила, что у нее нет оснований не верить в происходящее, а заодно и в услышанные прежде рассказы.

Сначала он почувствовал сухость во рту, потом ему стало казаться, что слюна, поглощенная яйцом, вновь выделилась в виде кислоты. Когда боль стала слишком острой, Скеллор попытался выплюнуть отторгаемый организмом предмет, но яйцо разбухло во рту и заполнило его целиком. Делая болезненные вздохи через нос, он колотил кулаком по стене. Глаза слезились. Он не мог кричать, а чего стоили жуткие ощущения, когда предмет проник ему в глотку! Скеллор старался подавить тошноту, поскольку реакция в виде рвоты могла сейчас убить его. Боль разрывала грудь, охватывая шею и затылок.

"Это убьет меня".

Скеллор стремился не утратить ясность сознания, и ему удалось это, даже когда сильная боль пронзила участок головы, где прикреплялся модуль и где его охлаждающие трубки должны были соединиться с артериями, чтобы доставлять обогащенную кислородом и охлажденную кровь к зонам химических взаимодействий в самом модуле. Решив идти до конца, он инициировал стартовый пакет программ, чтобы в полной мере подключить искусственный интеллект к модулю. Низкочастотное жужжание раздавалось в черепной коробке, а Скеллор мог видеть, как две стеклянные трубки проникли в грудь и наполнились кровью, теперь его модуль будет присоединен к кровеносной системе, подобно живому органу.

Ясность видения резко усилилась; с какой-то отстраненностью он наблюдал, как джайн-структуры росли и разветвлялись в его теле, тем самым убивая его. Когда волокна устремились к контактам модуля в мозгу и проникли в сам модуль, он почувствовал, как они достигли зон химического взаимодействия. Эта технология, словно паразит, сама находила способы контролировать систему и использовать ее в собственных целях. Вот только она не знала, каковы эти цели, оставаясь лишенным разума механизмом. Создав химические контакты на сенсорном уровне, Скеллор хотел дать ей разум – свой собственный.

Наконец джайнструктуры установили нужные связи, и Скеллор приступил к декодированию программ и вспомогательных систем, к сортировке первых ручейков, а затем и потоков информации в своей огромной памяти. Отныне одно целое – Скеллор вместе с ИР – было способно влиять на субструктуры на уровне, сравнимом с возможностями какого-нибудь крупного исследовательского учреждения. Взаимодействие кристаллического и органического мозга достигло невиданных масштабов, и проблемы решались с легкостью, с какой лавина может раздавить оригами. Но структура разрасталась быстро, и этот процесс был разрушителен. Сердце и легкие Скеллора не выдерживали, его органический мозг погибал. Минуты, остались минуты... Он старался сфокусировать внимание на модуле, но не преуспел в этом и какое-то время балансировал на краю пропасти, но:

"Вот так".

Скеллор остановил беспорядочный рост субструктуры.

"Вот так".

Он очистил рот, запустил заново сердце и легкие и использовал субструктуру для устранения ущерба, который ее рост нанес его телу.

"И вот так".

Он приступил к совершенствованию и наращиванию устройств и биомеханических приспособлений в своем организме, которые, как он полагал, ему теперь понадобятся. Глянув вниз, он увидел, как усик, пробившийся у него из живота, пронзил материал наружного костюма в поисках генератора хамелеон-оборудования. Затем он присоединился к нему и зафиксировал параметры, таким образом Скеллор выстроил внутри самого себя усовершенствованную версию.

Теперь Скеллор понимал джайнов.

– "Маленькая Молли по прозвищу Красная Шапочка шла по заросшей подорожником тропинке, она несла бабушке картофельный хлеб и вино. Вдруг из зарослей тростника, незаметно, потому что зеленые и золотые полосы на его шкуре сливались с травой, к ней подкрался папаша Силуройн... "

Женщина читала, качая головой от удивления, – как же умудрились исказить старую сказку! На картинке в книге улыбающаяся девочка неторопливо шла по дорожке – счастливая до тошноты в своем стремлении угодить старшим. Потом в высокой траве появилась большая тень. Раньше изображенному в книге злему созданию придавалось лишь сходство с волком, теперь же... теперь оно стало жутко правдоподобным.

– "Не успев добраться до бабушкиного дома, Молли наткнулась на папашу Силуройна, лежавшего поперек тропинки.

– Куда ты идешь в такой чудесный денек? – спросил он.

Показав ему яства, она ответила:

– Я несу это моей бабушке".

Женщина остановилась. И она, и сын нагнулись над книгой, чтобы лучше рассмотреть картинку. Изображение было столь реальным, что казалось: вот-вот чудовище на дорожке проглотит девочку на закуску перед тем, как съесть бабушку. Но ничего не происходило, потому что никто не касался картинки пальцем и не активировал В2 вал продвижения вперед голосом. Женщина продолжила чтение:

" – И это все, что ты принесешь ей, когда кругом такая красота? – спросил папаша Силуройн.

Маленькая Молли осмотрелась вокруг и действительно увидела множество красных, желтых и золотистых цветов.

– Ты должна нарвать цветов для бабушки, как поступила бы всякая добропорядочная внучка.

И Молли послушалась совета, ведь она не могла устоять перед столь прекрасными творениями Господа".

Девочка на картинке принялась рвать цветочки, а потом книжка резко переключилась и изобразила типовой и совсем непривлекательный на вид коттедж.

"У бабули, – говорилось в тексте, – сегодня был не самый лучший денек".

– Вас хочет видеть Бром, – сказала женщина. Патран Торн пожал плечами и продолжил трапезу.

– Сейчас, – добавила она.

– Отличная рыба. Вам стоит попробовать, – улыбнулся Торн.

– Вы играете со смертью, если решили водить нас за нос. – Мужчина грузно навалился на стол.

Ну что за манеры! Торн с трудом преодолел желание сломать наглему челюсть.

– Спокойно, Лютц. Господин Стайл не любит играть в открытую. Он должен помнить о своей репутации.

Женщина сняла солнцезащитные очки. Торн посмотрел ей в глаза и заметил перфорацию на радужных оболочках – вероятно, последний писк моды, потому что недавно, когда он общался с ней, это "украшение" отсутствовало. Что ж, может быть, она и ненавидит Правительство, но предпочитает пользоваться достижениями его технологий.

– Когда и где? – спросил он.

– Сейчас. Мы вас доставим на место.

Патран кивнул и окинул взглядом помещение, оценивая обстановку. Трое изучали меню, стараясь не привлекать к себе внимания, наверняка еще один находится снаружи, стоит наготове у антигравомобиля, возможно, имеются и другие.

У него было плохое предчувствие, и он... продолжал есть.

– Шевелись, Стайл! – Лютц отпихнул его тарелку. Торн вонзил вилку в тыльную сторону ладони Лютца и нанес ему быстрый удар в висок – тот даже вскрикнуть не успел, затем подхватил ослабевшее тело, не дав ему упасть на пол, и бросил на стол. Семейная пара изумленно посмотрела в их сторону, не понимая, что происходит. Кроме супругов и троицы, изучавшей меню, никто вроде бы ничего не заметил. Эти трое уже приподнялись с мест, но женщина, покачав головой, взглядом велела им остановиться.

– Как мне вас называть? – поинтересовался Торн.

– Тернан, – ответила она, глядя на лежавшего без сознания спутника.

– Так вот, Тернан, вам известно, как я работаю. С чего вы взяли, что я мечтаю встретиться с вашим боссом и при этом поставить свою жизнь под угрозу?

– Это спецоперация.

Он всем своим видом выражал полное безразличие. Женщина продолжала:

– Двести тысяч, в любой валюте, в драгоценных материалах.

Торн вытер губы салфеткой и встал.

– Так почему вы мне сразу не сказали?

Когда те трое волокли Лютца по ресторану, остальные посетители наверняка решили, что он просто перепил, ведь заведение, собственно, для этого и предназначено.

Один АТМ... нет, два.

Патран подавил улыбку, когда Лютца, приходившего в себя на заднем сиденье, вытошнило. Тернан выругалась, прикусила губу и двинула машину с места, теперь ее темные очки снова скрывали глаза, соответствовавшие последней моде. Исподтишка Торн поглядывал на индикатор направления. Итак, они ехали в сторону моря. Как близко сейчас находилась команда прикрытия и насколько быстро парни способны прибыть на подмогу? Приятно сознавать то обстоятельство, что они могли знать его дислокацию по сигналу передатчика, вживленного ему в область таза. Его тело никогда не пропадет без вести, по крайней мере эта часть.

– Ну и где ваш босс? – спросил он.

– Увидите, – сказала Тернан.

Иного ответа он и не ожидал. Он уже хотел высказаться в том духе, что злодей, скрывающийся на удаленном острове, – это слишком банально, но передумал. Когда-то на тренировках инструктор указывал на такой его недостаток, как склонность недооценивать противника, и Патран много работал над тем, чтобы искоренить его. И все же куда деться от банальности: злодеи всегда прячутся на дальних островах, потому что более идеального укрытия не существует. Вот только Тернан вряд ли понравится, если он назовет Брома злодеем.

Когда антигравомобиль остановился, Торн осмотрелся вокруг в поисках какого-нибудь острова, но никаких его признаков не наблюдалось.

– Куда теперь?

– Увидите, – повторила она.

Тернан откинула крышку консоли, под ней скрывались обычные кнопки, она нажала их в определенной последовательности, после чего в нижней части переднего экрана замигали огоньки и появилась светящаяся решетка, казалось погруженная в стекло. Видимая картина на экране перед глазами Торна все время мерцала и изменялась. Море теперь выглядело как-то иначе – оказывается, волны рассекала огромная баржа.

"Хамелеон-оборудование... Вот дерьмо! "

– Ну и ну! – не удержался Торн, женщина лишь улыбнулась в ответ.

Он смотрел на баржу: длина – почти километр, ширина – четверть километра. Впечатляющее зрелище! Усеянная многочисленными боевыми башнями и ракетными пусковыми установками, она возвышалась над поверхностью воды, подобно какому-нибудь военному кораблю былых времен. Бром явно получал помощь извне, об этом свидетельствовало в том числе и хамелеон-оборудование.

Да, ему следовало быть куда более предусмотрительным! Если ребята из его команды придут сюда, от них останется мокрое место еще до того, как они успеют что-либо разглядеть.

Тернан ловко вывела, антигравомобиль на одну из платформ баржи, другой АТМ последовал за ним. На платформе их поджидали четверо мужчин. Двое из них были охранники, вооруженные чем-то вроде лучевых ружей неизвестного Торну происхождения – во всяком случае, они не производились в зоне Правительства, потому что нуждались в отдельных блоках питания, которые крепились к поясам.

Торн вышел из машины и вместе с Тернан направился к четверке. Остальные последовали за ними.

– А-а, Стайл. "Вот и Бром".

На нем был свободный костюм из тонкого шелковистого материала, скрывавший тучную фигуру, казалось, он не обращал внимания на прохладный морской бриз. Редкие седые волосы обрамляли обрюзгшее лицо. Присмотревшись, Торн обнаружил, что кожа Брома была покрыта мелкими оспинками. От него исходил запах, чем-то напоминавший террариум, а модуль не был похож на временное приспособление – казалось, он сросся с его головой.

Торн узнал его сразу, но решил изобразить неведение. Пожав ему руку, он уточнил:

– Вы Бром?

Мужчина с улыбкой кивнул.

Торна заинтересовал странный человек, стоявший рядом с Бромом. Бледный черноволосый мужчина был в подходящем для космического корабля костюме с какими-то надписями, носил ошейник из белого металла, а над его ухом виднелся чешуйчатый модуль – такой же, как и у всех четверых. Его лицо казалось абсолютно бесстрастным, почти мертвым.

Бром молча указал на лестницу, ведущую с платформы на нижнюю палубу, и зашагал к ней, сопровождаемый бледным незнакомцем. Обернувшись и убедившись в том, что охранники остались на месте, Торн последовал за Бромом и его приятелем, сунув руки в карманы, чтобы не поддаваться искушению нажать на кнопку тревоги. Стоило активировать напульсник – и парни примчались бы сюда, но тогда Патран подписал бы им смертный приговор, так как не мог послать никакого сообщения без того, чтобы оно не оказалось перехваченным. Следует переждать этот напряженный момент, выбраться отсюда, а потом вернуться во всеоружии. И если ситуация станет совсем скверной, Торн попытается воспользоваться пистолетом, спрятанным в рукаве.

– Похоже, вы здесь хорошо оснащены, – сказал он.

– Спасибо моему другу – дьякону Аберилу Дорту, – ответил Бром.

Посмотрев на черноволосого мужчину, Торн удостоился непроницаемого взгляда.

– Ах да, – Бром поднял толстый палец, – вскоре вы поймете, почему я не могу раскрывать свои источники. – Он взглянул на Торна. – Вы прекрасно разобрались возле научной станции.

Джон Спейдер задавался лишними вопросами о показателях смертности среди черных выдр в этой акватории. Он должен был уйти.

"И это все? "

– Теперь у вас есть для меня какое-то другое задание?

– Ода.

Бром направился по винтовой лестнице на нижнюю палубу. Спускаясь за ним, Патран тайком осмотрел ближайшую боевую башню. Все те же лучевые пушки, и это доказывало, что у Брома имелось два технологических источника, поскольку технологический уровень этого вооружения был несравним, например, с хамелеон-оборудованием.

Пересекая палубу, Торн заметил группу людей, занятых разгрузкой пришвартованного к барже катамарана. Он знал, что такие суда использовались для незаконной охоты на черных выдр – необычные из-за повышенного содержания какого-то металла кости этих животных нравились людям с определенными вкусовыми пристрастиями. Рабочие выгружали пластиковые емкости – в таких часто перевозили оружие. Его внимание привлек крепко сложенный и явно чем-то обеспокоенный человек, который стоял рядом с женщиной, руководившей разгрузкой. Торн встретился с ним взглядом, и мужчина отвернулся как ни в чем не бывало. Патран тоже постарался повернуть голову так, чтобы мужчина не мог видеть его лица.

"Это же Джон Стэнтон! "

Стэнтон был наемником, к услугам которого сепаратисты часто прибегали из-за его соответствующей репутации. Он работал на Ариана Пелтера, а потом сдался и предал Пелтера, узнав, что лидер сепаратистов расправился с его любовницей – контрабандисткой Джарвеллис. В заварухе последних событий его след затерялся. Если Стэнтон узнает Торна, все кончено, потому что Торн сражался на Виридиане бок о бок с Яном Кормаком.

Бром привел Торна и дьякона в роскошную каюту в самом конце палубы, из ее окна открывался великолепный вид на море. Он жестом указал на диван, обитый мехом черной выдры, а затем, разыгрывая радушного хозяина, предложил напитки гостям, а сам предпочел дорогое виски, импортное с Земли, – подобного рода излишества мог себе позволить лишь очень богатый человек. Наверняка Бром стремился стать правителем планеты – ведь такова была истинная цель многих "борцов за свободу".

С заметным недовольством Бром изрек:

– Несколько лет назад на этой планете погибли лидеры нашего движения...

– Да упокоит Господь их души, – пробормотал Абериль.

"И чем он здесь занимается? Не похож на людей из окружения этого толстяка".

Слегка нахмурившись, хозяин каюты продолжал:

– В их смерти виновен агент ЦСБЗ, причем очень высокого полета. Почти столь же легендарный, как Гораций Блегг – кстати, не все верят в существование этого японца. Только в отличие от Блегга он реальная фигура. Его имя Ян Кормак. – Бром пристально посмотрел на Торна.

– Сын Сатаны, – прошипел дьякон.

Торн не придал значения комментарию Аберили Дорта. Наклонившись вперед, он сказал:

– Разумеется, я слышал о нем. Вы хотите, чтобы я убил именно его?

Улыбнувшись, Бром откинулся на спинку кресла.

– О нет, я лишь хотел показать, с какими людьми нам приходится иметь дело и почему мы вынуждены принять определенные меры.

– О каких мерах идет речь? – поинтересовался Патран.

Бром небрежно махнул рукой.

– Потом. Давайте лучше выпьем и поговорим о чем-нибудь другом. Скажите мне, Стайл, – Торну не понравилась интонация собеседника, – что за оружие вы использовали для выстрела с такого расстояния?

– Газовое ружье, стреляющее самонаводящимися разрывными пулями. Что-либо со сверхзвуковой скоростью было бы легко обнаружить детекторами и перехватить в воздухе. Я всегда считал – чем проще, тем вернее.

В это мгновение раздался мелодичный звонок. Бром повернулся и нажал кнопку, встроенную в письменный стол. Дверь каюты распахнулась, и вошли Тернан и Лютц, последний с торжествующей ухмылкой взглянул на Торна. У каждого в руке – уродливый газовоимпульсный пистолет.

Патрану было бы достаточно приложить палец к экрану напульсника, чтобы его команда появилась здесь, но он не располагал лишним временем: действовать нужно было сейчас. Пока он решал, кому из противников достанется первый выстрел из спрятанного в рукаве пистолета, раздался слабый хлопок и что-то ударило его в грудь. Он посмотрел вниз и увидел нечто похожее на дротик с двумя пузырьками. Сократившись, они протолкнули через подобие стеклянного шприца какую-то темную жидкость. Как круги на воде, от места укола стало распространяться странное ощущение, словно плоть теряла чувствительность. Пистолет выскользнул из рукава, оцарапав уже немеющую руку, и упал на пол. Торн старался сфокусировать взгляд на толстяке, и ему показалось, что тот превратился в какое-то странное существо.

Бром дал знак Тернан и Лютцу подойти.

– Что показало сканирование? – спросил он, когда те подхватили Торна под руки и попытались удержать его в вертикальном положении. Патран и сам старался вновь обрести контроль над своими конечностями.

– Маячок в области таза, напульсник способен подать сигнал тревоги. Мы также обнаружили два закодированных частотных диапазона. Несомненно, он из службы безопасности, – сообщила Тернан.

Торн пробовал пошевелиться, но его тело отказывалось подчиняться. В этом дротике находилось парализующее вещество, но какого типа и кто поставщик? Биотехнология – вне всякого сомнения, причем неизвестного ему вида. Когда Бром приблизился, у него едва хватило сил приподнять голову, чтобы посмотреть противнику в глаза.

– Агент Патран Торн, я полагаю. Вам следовало бы изменить внешность. Неужели вы о нас столь низкого мнения и даже не приняли во внимание, что мы обладаем собственными источниками информации?

Бром кивком указал на дверь, и двое его приспешников потащили Торна вон, причем Лютц не мог отказать себе в удовольствии и вывернул крючковатый дротик из его груди.

"Стэнтон – должно быть, его работа. Наверно, он узнал меня и выдал Брому. ЦСБЗ налагала запрет на идентификацию своих агентов и солдат в средствах массовой информации".

Даже блеклый свет солнца Чейна сейчас резал Торну глаза. Он сморгнул слезы и ухитрился немного повернуть шею, чтобы осмотреться. Стэнтон спокойно стоял на прежнем месте, наблюдая за разгрузкой катамарана. Он бросил на них быстрый взгляд и сразу же отвернулся.

Торн почувствовал, как кто-то дернул его за руку.

– Закодирован по ДНК, без сомнения, – сказал Бром. – И, несомненно, не сработает, если снять его с запястья. Какой ключ – указательный палец правой руки?

"Нет! "

Тернан вцепилась ему в левое запястье, а Лютц схватил его правую руку и прижал указательный палец к экранчику на напульснике.

– Сигнал отправлен, – подтвердила женщина. – Надо же, – продолжала она, – как быстро! Военный самолет уже приближается с востока. Вот-вот появится в пределах видимости. – Судя по всему, в ее очки был вмонтирован какой-то прибор.

– Что ж, пусть наш уважаемый гость посмотрит, – приказал Бром.

Лютц схватил пленника за волосы и запрокинул его голову назад. Потом его резко вернули так, чтобы он смотрел в сторону моря. И Торн сразу же заметил черную точку над горизонтом, которая увеличивалась с каждой секундой.

"Боже, нет! "

Самолет уже был хорошо различим: он напоминал летящий железнодорожный вагон – серая броня и угловатый корпус. На борту четверо – люди, с которыми он делил стол и кров. Вот уже завращалась боевая башня с лучевой пушкой, включилось питание...

– Не подпускайте слишком близко, – велел Бром.

– Расстояние не имеет значения, – вставил дьякон.

Послышался треск, и Торн увидел, как самолет взорвался, испуская языки огня, и по дуге ушел в волны. Вскоре послышался звук взрыва – словно гром дальней грозы над морем.

"Ублюдок".

– Ладно, – кивнул Бром, – пора смываться. Скоро здесь будут агенты ЦСБЗ, слетятся, как мухи на дерьмо.

– Теперь вы его убьете? – поинтересовался Абериль Дорт.

– О нет, в этой замечательной голове хранится слишком много драгоценной информации, чтобы раскроить ее столь неделикатным образом. Покажите мистеру Торну его апартаменты.

Когда спотыкавшегося Торна тащили по палубе, он почувствовал вибрацию запускаемых внизу двигателей, баржа пришла в движение раньше, чем он оказался в ее внутренних помещениях. Камера, куда его бросили, представляла собой керамалевый бокс, в нем были лишь стул и стол, на котором размещался похожий на небольшую черепаху хромированный автодоктор. Лютц, омерзительно хихикая, трижды ударил пленника кулаком по лицу, сломав ему зубы и нос. Патран хотел защититься, если не ударами, то хотя бы словами. Но он мог лишь лежать на полу и истекать кровью, а Лютц тем временем вооружился автодокком.

– Знаешь, благодаря этой штуковине можно проделывать замечательные трюки! Имей в виду: я сейчас собираюсь с ее помощью выудить из твоего таза маячок, и без наркоза. Можешь не волноваться: я введу препарат, который не даст тебе бтключиться из-за болевого шока. Через минуту он склонился над своей жертвой, держа доктора для "осмотра". Эта машина размером и формой напоминала шлем обтекаемой формы, а снизу виднелись хромированные ножки-захваты и набор хирургических инструментов. Со зловещей улыбкой Лютц поставил машину на пол рядом с Торном и отступил. Тотчас же "доктор" подполз к своему "пациенту" и вырезал дыру в его брюках. Патран чувствовал, как механизм сдавил, а затем разрезал его плоть, но настоящая боль овладела им тогда, когда в тело вошло сверло. Он закрыл глаза, лицо его будто окаменело – нет, он не позволит выказать слабость и тем самым доставить Лютцу удовольствие! Вскоре его тело сотрясла неприятная вибрация: док приступил к сверлению костей таза. В какой-то момент боль стала настолько невыносимой, что Торн уже готов был закричать, но затем она постепенно отступила: автодоктор заварил отверстия в кости, а потом, убрав сверло, склеил клетки мягких тканей.

Патран открыл глаза и увидел склонившуюся над ним Тернан, женщина внимательно изучала какой-то окровавленный предмет, держа его между большим и указательным пальцами. Затем она выпрямилась и протянула его Лютцу, приказав:

– Иди и выбрось это за борт.

Лютц уже открыл рот, намереваясь возразить, но потом молча взял маячок и вышел из камеры. Тернан вновь повернулась к Торну.

– Знаете, мы могли бы сделать вашу копию и поместить в нее ту штучку. – Она указала большим пальцем на дверь, за которой только что скрылся Лютц. – Это заставило бы ЦСБЗ потерять какое-то время на генетическую экспертизу, чтобы потом выяснить, что это были не вы. Мы-то делаем подобную экспертизу довольно быстро. – Торн озадаченно смотрел на нее. – Видите ли, у нас есть свои люди на станции, и один из них доставил нам кусочек так

называемого "труппа" Спейдера. – Она презрительно усмехнулась. – Кажется, это было ухо. – Теперь Патран все понял и тихо застонал. Между тем она продолжала: – Представьте наше удивление, когда мы выяснили, что объект, в который вы стреляли, был всего лишь телесно-синтетической копией.

Она вышла из камеры, на двери щелкнул замок.

Апис оторопел от ужаса, когда увидел, что произошло вследствие его действий, но не позволил себе расплакаться. Салон шлюпки теперь был полон раздувшихся мертвецов, плававших в облаке собственных испарений. Юноша некоторое время созерцал эту неприглядную картину, потом занялся очисткой помещения. Ему пришлось выкинуть целую кучу трупов, затем он втащил мать внутрь и закрыл люки.

Казалось, прошло очень много времени, пока его тело стало реагировать на рост давления. Кулант ощущал, как оно сокращалось в объеме, принимая более или менее обычную форму. Постепенно смола, защищавшая его рот, размягчилась, открылись и ноздри, и он округлил их, прежде чем снова сделать вдох. Мать тоже вернулась в нормальное состояние, и теперь с нее легче было снять костюм, чем надеть его, после чего Апис натянул на нее спальный мешок, а сам отправился за медицинским оборудованием. Оказывается, то, что он сначала принял за ряды стальных шкафов, на самом деле было криококонами.

Его поиски довольно быстро увенчались успехом, вот только диагностический аппарат не отличался совершенством. Мать была без сознания, аппарат обнаружил у нее травму черепа, и Апис дал ей лекарства, которые предложила машина. Ему оставалось только надеяться, что она поправится. Больше он не мог ничего для нее сделать, юноша даже не знал, подходят ли лекарства и их дозы для аут-линкеров, но здесь не было ИР, которому можно было бы задать вопросы, в том числе и этот.

В кабине пилота перед панелью управления Кулант снова почувствовал себя уверенно, расположение кнопок и прочие детали были ему хорошо знакомы, почти такие же пульта были установлены в тренажерном классе. Он быстро определил, что шлюпка двигалась с возрастающей скоростью, хотя ускорение было незначительным, а двигатели работали на пределе. Затем выяснилось, что, следуя установленным курсом, шлюпка вряд ли скоро достигла бы ближайшего обитаемого мира, а припасов достаточно для того, чтобы доставить их куда угодно, только не к Масаде. Какое-то время юноша задерживал взгляд на одном из экранов, чья камера была направлена на теперь уже отдаленный "Генерал Паттен". Увеличив изображение, он смог рассмотреть лишь облако осколков, разлетевшихся вокруг дракона. Апис вычислил, сколько времени ему потребовалось бы, чтобы вернуться туда, но он понимал, что вряд ли кто-либо из его собратьев пережил распад корабля и будет еще жив к тому времени, когда шлюпка окажется на месте крушения. Да и осмелится ли он прийти на помощь, если дракон еще находится поблизости? И юный Кулант не стал рисковать, ясно осознавая, что ему еще не раз придется вернуться к этим мыслям, а боль от потери близких не скоро оставит его.

Фетан установил обшивку контрольной панели аэрофана и, последовательно нажав на несколько кнопок, отступил назад. Что-то в массивном основании летательного аппарата загнулось и хлопнуло, с тихим жужжанием его лопасти стали двигаться, скорость вращения все возрастала. Следующий хлопок зафиксировал набранную скорость, и Эльдина ощутила поток воздуха. После третьего хлопка машина оторвалась от земли и взлетела в воздух подобно камню из рогатки, затем на высоте двадцати метров накренилась и повернула в сторону, словно наткнувшись на порыв встречного ветра. В этот момент Фетан положил руку Эльдине на плечо и сказал:

– Теперь, девочка, они получают сигнал с этой штуковины. Они определили, что "дар" Волюса пропал, но у них не могло быть полной уверенности. Скоро мы увидим, нашли они его или нет.

– О чем это вы? – удивленно спросила она. Старик промолчал: ответ пришел с неба. Зеленоватый луч пронзил воздух, на мгновение ослепив Эльдину. Вслед за ним раздался громopodobный звук, и, когда зрение вернулось, девушка увидела падение разваливающегося на части аэрофана в облаке черного дыма.

– Думаю, они его нашли, – сказал Фетан. – Это была батарея EL-41, если не ошибаюсь: искусственный изумруд в наполненном аргоном цилиндре. Это самая старая их батарея и единственная подобного типа, какая у них имеется.

Девушка уставилась на него. Если бы раньше Фетан сообщил что-нибудь подобное, она бы подумала, что старик сошел с ума, но теперь следовало учитывать тот факт, что перед ней был не совсем человек. И еще одно обстоятельство не стоило игнорировать – ее жизнь висела на волоске. Высвободившись из-под руки старика, она подошла к раковине трикона и села на нее.

Встретив мрачный взгляд девушки, Фетан пояснил:

– Теперь у нас есть запас времени. Раз нас не обнаружили, мы можем без проблем пробираться в горы.

Эльдина горько рассмеялась.

– Вам ведь не нужно дышать!..

– Ах да! – Фетан поспешил к зарослям тростника, туда, где он только что возился с аэрофаном. Он возвратился с ворохом приспособлений, о назначении которых девушка тут же вспомнила. – Одного баллона тебе хватит примерно на сутки, а запасного будет достаточно еще на два-три дня.

Это был шлем Волюса с затемненным стеклом, специальный воротник и клубок трубок, тянувшихся к плоскому баллону квадратной формы, одевавшемуся на спину, имелся и еще один баллон, запасной. Конечно, ей было и страшно, и обидно за свою судьбу, но старик предлагал ей шанс выжить.

– Учти, ты должна до последнего момента использовать свою сколь, пока она не погибнет, а это может случиться часов через шесть – двенадцать. Если ты начнешь дышать кислородом, она станет извлекать его из твоей крови про запас.

Она кивнула, и тогда Фетан отдал ей дыхательный аппарат.

Девушка внимательно рассмотрела шлем и дыхательное оборудование. Она не раз видела, что смотрители носили его и без шлема, используя только маску. Сбоку сумки с баллоном имелся карман, в котором хранились одноразовые маски из каких-то прессованных волокон. Эльдина отделила шлем – он ей не понадобится, – закрепила воротник вокруг шеи, потом пристегнула маску к петле под подбородком. Продев руки через лямки, она надела баллон на спину, а запасной повесила через плечо. С опущенной маской – поскольку надеть ее означало сразу же включить струю кислорода – она повернулась к Фетану.

– В горы, говорите?

Старик между тем вооружился дубинкой смотрителя и пистолетом, прицепив его на пояс.

– Да, мы пойдем туда и найдем способ добраться до подполья. Это может занять три дня, так что – вперед.

Фетан двинулся по влажной земле, протаптывая тропинку в зарослях тростника. Следуя за ним, Эльдина невольно задумалась, почему он сказал, что им потребуется всего три дня, ведь это время подозрительно совпадало с тем сроком, на который ей должно было хватить запаса кислорода. Очевидно, старик просто хотел хоть как-то утешить ее в последние дни жизни.

Шагая по зарослям, Фетан ломал и стигбал стебли перед собой без особого труда – тростник был прошлогодним. Даже при самом легком дуновении ветерка в зарослях этого растения

раздавалась странная музыка и в воздух поднимались похожие на бумагу чешуйки, покрывавшие стебли. Под ногами почва была покрыта толстым слоем чешуек, уже притоптанных ее спутником, и этот слой, под которым тянулись корневища растений, не позволял провалиться в болотистый грунт. Девушка заметила, что от корневищ уже начинала пробиваться вверх ярко-зеленая поросль. Когда дневная температура достигнет определенного уровня – и это должно было произойти уже скоро, – растения тронутся в рост настолько быстро, что иногда этот процесс можно даже наблюдать визуально.

– А, суд Теократии. – Фетан осторожно обошел какой-то предмет.

Эльдина увидела скелет, распростертый на зыбкой почве, – стебли травы проросли сквозь его грудную клетку. Таковым было одно из многих придуманных прокторами наказаний за серьезные нарушения законов: ростки, устремляясь вверх, пронзали прикованное к земле тело, пробиваясь сквозь живую плоть. Если бы девушку поймали, ее ожидала бы подобная казнь.

Действие парализующего препарата немного ослабло, но Торн еще не был уверен в том, что сможет удержаться на ногах. Холодный керамалевый пол вытягивал тепло из его тела, и это тоже производило свой парализующий эффект. В области таза еще ныла недавняя рана, но особенно сильно болели сломанные зубы и разбитый нос.

По своему обыкновению и в соответствии с тем, чему его учили на тренировках спаркиндов, Патран Торн постарался выбросить из головы тяжкие мысли о гибели друзей, сконцентрировавшись на своем текущем положении. Этот Бром собирался как-то проникнуть в его мозг, хотя вряд ли можно было извлечь таким способом слишком много полезной информации, поскольку ЦСБЗ всегда меняла соответствующие коды, если исчезал какой-либо агент.

Напрягая всю свою волю, он перекатился по полу и поднялся на четвереньки. Уже от одного этого движения началось головокружение и горло сжал рвотный спазм, но он сделал следующий рывок и оторвал руки от пола, встав на колени. Казалось, в шее у него сейчас отсутствовали кости, а тело не хотело слушаться. Не позволяя себе расслабиться, Торн, ухватившись за стол, встал на ноги, и тут его вырвало прямо на автодока.

– Плевать, – проворчал он, справившись с тошнотой.

Торн уже хотел перевернуть автодока и поискать у него внутри какой-нибудь острый предмет, чтобы использовать его в качестве оружия, как вдруг дверь камеры открылась.

– О, уже очухался? Посмотрим, как ты у нас теперь запоешь.

Обернувшись, Патран увидел Лютца, тот снял с ремня дубинку и теперь постукивал ею по своей ладони. Дверь за спиной Лютца закрыл Стэнтон. Торном овладело отчаяние: он мог справиться с Лютцем, но с Джоном Стэнтоном?.. Ну, может быть, если бы находился в лучшей форме.

– Джон сообщил мне, что спаркиндов учат сопротивляться прямому вторжению в мозг, но он также поделился сведениями, как нам следует расколоть тебя.

Может быть, если сейчас швырнуть автодока в Стэнтон, он успеет свалить Лютца и отобрать у него пистолет? Обдумывая эту возможность, Патран не сразу сообразил, что только что сказанное Лютцем не имело смысла. Спаркинд не мог сопротивляться проникновению в мозг, как и любой другой человек, эту способность нельзя натренировать; потребовалось бы существенное изменение структуры мозга. С удивлением он наблюдал, как Стэнтон приблизился к Лютцу, смотря на него с нескрываемым презрением.

– И ты оказался таким глупцом, что сразу поверил мне.

Лютц едва успел обернуться, как Стэнтон сильно ударил его по горлу краем ладони. Лютц в шоке стоял еще какое-то время, потом рухнул на колени, пытаясь вытащить что-то из кармана куртки. Стэнтон нагнулся над ним, не спеша взял его за голову и резко вывернул ее вбок. Хрустнул позвоночник, мужчина повалился наземь ничком, вздрогнул и издал предсмертный хрип.

– Дерьмовые дилетанты! – Джон Стэнтон пожал плечами, затем достал инжектор из кармана, подошел к Торну и бегло осмотрел его. – Как, черт возьми, им удалось поймать вас?

– Я был неосмотрителен.

Стэнтон усмехнулся, потом приложил инжектор к шее Торна. Какая-то приятная прохладная волна пошла по всему телу, и Патран почувствовал, как освобождаются от паралича его конечности.

– Это займет одну-две минуты. Парализующий препарат Брома – производное яда кураре. Возможно, вашей нервной системе был нанесен ущерб.

– Значит, вы на моей стороне? – уточнил Торн. – Я думал, вы продаете им оружие.

– Они тоже так думают, – презрительно скривился Джон.

Тем временем агент ЦСБЗ обнаружил, что уже не нуждается в опоре, чтобы держаться на ногах.

– У вас есть свои цели? – предположил он.

– Вы видели Дорта?

Лицо Стэнтона приняло жесткое выражение, какого не было даже в момент, когда он сворачивал Лютцу шею.

– Дьякона? Да, мельком.

Стэнтон отвернулся и устремил взгляд куда-то вдаль.

– Он прибыл с моей родной планеты, и я следил за ним весь последний год. Когда я впервые познакомился с ним – а это давняя история, – он был еще проктором в Теократии. Он стал любовником моей матери и заставил ее оговорить отца и обвинить его в ереси, чтобы потребовать развода. Как только она подписала бумаги, этот негодяй увез отца из дома и расправился с ним – стрелял прямо в лицо.

– А ваша мать?

– Умерла во время допросов.

– Значит, у вас личная причина для ненависти, – констатировал Торн, пытаясь согнуть туловище и прикидывая, пройдет ли когда-нибудь ощущение немоты в пальцах.

Джон Стэнтон повернулся к нему.

– Полагаю, вы здесь для того, чтобы отправить в отставку нашего друга Брома. Что ж, займемся им. Сейчас он в своей каюте, и дьякон тоже. – Вытащив из кармана импульсный пистолет, он направился к двери.

Уже лучше владея своим телом, Торн отошел от стола, наклонился над Лютцем и перевернул труп на спину. Он быстро нашел импульсный пистолет с газовой системой – не столь эффективное оружие, как у Стэнтона, поскольку оно стреляло ионизированным газом, а не алюминиевой пылью и, следовательно, имело меньшую дальность поражения, хотя вполне годилось для ближней стрельбы.

Впрочем, у него имелся еще вопрос.

– Вообще-то я вам не нужен. Зачем вы пошли на такой риск?

Джон обернулся.

– Скажу вам, что после Виридиана я проникся большим уважением к Яну Кормаку, и мои приоритеты с тех пор несколько изменились.

– И все же это не ответ.

– Другого вы не получите.

Когда они покинули помещение, Стэнтон достал из кармана небольшой цилиндр, включил таймер и бросил его в камеру. Затем они направились вверх по трапу на палубу. Была ночь, и Торн понял, что, очевидно, он пролежал без сознания гораздо дольше, чем ему сначала показалось.

Сейчас они крались в лунной тени боевой башни с каким-то странным сплюсненным аппаратом наверху. Стэнтон указал на него и прошептал:

– " Это генератор.

Потом он положил еще один цилиндр у невысокого сооружения рядом с башней.

– Сколько у нас времени? – тихо спросил Торн.

– Десять минут. Пока эта штуковина работает, сигнал малой мощности не ловится, а я жду именно такого сигнала. Здесь, на судне, двести, а то и триста человек, и до всех мне не добраться.

Они продвигались вперед, к каюте Брома, и миновали длинное помещение, через огромные окна которого лился яркий свет. Стэнтон указал на него и сообщил:

– Я заложил сюда замечательный заряд. Взорвется, – он взглянул на напульсник, – через шесть минут. Тот, что я оставил на их батарее, тоже... вот-вот бабахнет.

Он присел на корточки, и Патран последовал его примеру.

– Каким путем вы собираетесь выбраться отсюда? – спросил агент.

– Тем же, каким попал сюда. – Стэнтон махнул в направлении правее каюты Брома, где Торн раньше видел разгружавшийся катамаран.

Раздался первый взрыв, разодравший борт баржи на некотором расстоянии от места, где они сейчас находились, куски горячего металла полетели в море, исчезая в облаках пара. Затем небо осветилось оранжевым светом – на судне зажглись все прожекторы. Торн приложил ладонь к поверхности палубы и по вибрации почувствовал, как, захлебнувшись, остановились машины. Взглянув на Стэнтон, он кивнул в сторону башни, мимо которой они недавно проходили.

– Независимый источник энергии – наверно, гиперпространственный генератор, – пояснил Джон и выпрямился.

Члены команды уже бежали в сторону взрыва. В этой суете Торн и Стэнтон двинулись вперед.

– Эй, кто вы такие? – крикнул один из матросов, спешивший присоединиться к группе своих товарищей.

Торн выстрелил ему в лицо и, сразу подтащив тело к ближнему люку, сбросил его в темноту. Тем временем Стэнтон включал таймер нового снаряда, поглядывая в сторону группы, к которой бежал только что убитый матрос. Он пригнулся и швырнул цилиндр, и тот покатился по палубе в нужном направлении; затем указал на ближайшую каюту.

– Пройдем здесь.

Торну эта идея сейчас показалась не самой подходящей, но он не посмел спорить – похоже, его напарник знает что делает. Однако Стэнтон решил внести ясность:

– На этой стороне есть камера, и не сомневайтесь, Бром сейчас не сводит глаз со своих экранов.

Стэнтон выбил ногой дверь, и они вошли внутрь. Дверь захлопнулась под взрывы и крики, доносившиеся с палубы. В каюте было трое: мужчина, возившийся с какой-то консолью, женщина – она лихорадочно заряжала блок питания в импульсное ружье, еще один мужчина сидел на краю койки и надевал ботинки. Стэнтон и Торн одновременно выстрелили в женщину, представлявшую сейчас главную угрозу, – та повалилась на бок с разнесенной головой, ружье упало на пол. Мужчина у консоли пытался что-то нащупать справа от себя, но Стэнтон выстрелил, и он откинулся на спинку кресла. После следующего выстрела его тело дернулось и покинуло кресло. Тем временем Торн выстрелил в мужчину на койке – тот так и не успел натянуть второй ботинок.

– К окну! – крикнул Джон.

Справа от них возле каких-то шкафов скорчился мужчина в трусах и без оружия. Стэнтон прицелился в него, потом передумал и пошел вперед. Торн же расстрелял его в упор: мужчина попытался вытащить что-то из шкафа и рухнул, не выпуская из рук тяжелого лучевого ружья, присоединенный к нему кабелем блок питания выпал из шкафа. Он все же успел выстрелить

вверх, в результате разнесло большую часть потолка, и из каюты открылась панорама ночного неба.

– Дерьмо! – выругался Стэнтон. Торн смотрел на него с упреком.

– Он же был в одних трусах... – Джон пожал плечами.

Четырех выстрелов оказалось достаточно, чтобы раздробить прочное полимеризованное стекло. Для человека с плотным телосложением Стэнтон весьма грациозно вынырнул в выбитое окно, прокатился, перевернулся и выстрелил в кого-то, кого Торн не видел, потому что сам в этот момент вылезал из окна. Он заметил двоих охранников, стоявших у двери каюты Брома. Один из них уже не подавал признаков жизни, но второй, габаритами похожий на Стэнтон, пытался навести на нападавших лучевое ружье, хотя уже потерял правую руку. Стэнтон и Торн выстрелили одновременно, и не один раз. Охранник полетел назад сквозь дверь, они перешагнули через то, что от него осталось, и проследовали внутрь в роскошные апартаменты Брома. У них за спиной раздались еще два взрыва. На ходу они заметили впереди себя собственные тени, мелькнувшие в момент вспышки.

– Выходите! – приказал Торн.

Бром сидел в глубоком кресле, обитом мехом выдры, у письменного стола, уставившись в экран. Он был босиком, и Торн, к немалому удивлению, заметил, что ногти на его ногах выкрашены в лиловый цвет. Рука его покоилась на оружии, будто сделанном из чего-то органического. Он посмотрел на незваных гостей через плечо с какой-то змеиной злобой, а затем медленно переместил руку с оружия на колено.

– Где дьякон? – крикнул Стэнтон.

Бром не произнес ни слова. Уголкем глаза Патран заметил, как Стэнтон вытянул свободную руку и в ней, словно по волшебству, появился кинжал. Откуда у него оружие работы Тенкиана?

– Больше я не буду столь же любезен, – предупредил Джон.

Бром моргнул глазами и улыбнулся.

– Боюсь, что парень успел улизнуть от вас. Он отправился домой.

– Вот дерьмо... Куда и каким путем?

Хозяин каюты пожал плечами, на его лице мелькнула улыбка, и он доверительно сообщил:

– Он улетел на антигравомобиле около четырех часов назад. Сейчас уже должен находиться на шаттле, что следует к Церебу, если уже не там.

Казалось, Стэнтон искал слова, он мрачно посмотрел на своего спутника, Патран же обратил внимание на то, что лидер сепаратистов с каким-то отсутствующим выражением лица склонил голову набок.

– Его модуль, – сказал Торн.

Стэнтон метнул кинжал, который вонзился в шею жертвы. Выкатив глаза, Бром вскочил и попытался вытащить клинок, его пальцы обагрились кровью. Он еще смог сделать один шаг, но затем повалился на пол. Для верности Торн выстрелил в голову, выворотив сепаратисту затылок.

– Бежим отсюда! – крикнул он.

Стэнтон кивнул и дотронулся до перстня на левой руке. Тело Брома вздрогнуло, кинжал выскочил из него и мгновение спустя оказался в руке владельца. Тот нагнулся и вытер кровь с лезвия об одежду Брома. В этот момент раздался очередной взрыв такой силы, что вся баржа задрожала.

– Кажется, мой замысел удался, – выпрямившись, заявил Джон.

Мать и сын склонились над книгой, будто собирая из фрагментов-кусочков сложную картинку-загадку. Скучный текст передавал давно

знакомый сюжет, но иллюстрация оживляла сказку, и поэтому сначала нужно было как следует разглядеть картинку, а потом уже читать дальше.

– "И вот маленькая Молли по прозвищу Красная Шапочка стучит в дверь.

– Кто там? – спросил хриплый голос.

Сначала девочка испугалась, но потом подумала, что бабушка, должно быть, больна, и ответила:

– Я принесла тебе картофельный хлеб и вино от мамы.

Голос ласково ответил:

– Входи, входи, я всегда тебе рада, детка.

Когда девочка вошла, папаша Силлуройн успел спрятаться под теплым одеялом.

– Положи хлеб и вино в холодильник и подойди, присядь на мою кровать, – сказал он.

Молли сняла маску и баллон и подскочила к кровати. Ее очень удивило то, как выглядела ее бабушка".

Женщина на мгновение прикрыла рот рукой, скрывая зевок, – она, разумеется, знала, что произойдет дальше. Мальчик с нетерпением посмотрел на нее.

"– Бабушка, какие у тебя большие сенсоры движения! Это для того, чтобы всегда знать, куда ты идешь.

– Бабушка, как у тебя много глаз!

– Это чтобы лучше видеть тебя, моя крошка.

– Бабушка, какие у тебя большие зубы!

– Именно этими зубами я и разжевала твоего друга вместе с топором.

– О, пожалуйста, не ешь меня. Я же Божье дитя!" Женщина взглянула на ребенка, сидевшего у нее на коленях. Малыш, широко открыв глаза от удивления, смотрел на картинку, изображавшую чудовище.

– Похоже, все идет как положено, – сказала она.

– ... Называть это подпольем не совсем верно по многим причинам, – объяснял Фетан, когда они выбрались из зарослей тростника на более сухое место, поросшее мхами, лишайниками, диким ревенем и подорожником. – Можно подумать, что речь идет о тайной организации сопротивления, хотя на самом деле это единственный путь выживания для большинства местного населения. Ошибочно также считать, что в слово «подполье» не вкладывается и прямого смысла. – Старик устремил палец вниз. – Под нами примерно десять метров рыхлой и богатой органикой почвы, продукт миллионов лет работы живших и питавшихся здесь триконов. Далее лежит слой мела толщиной больше пятидесяти метров – он образовался из раковин триконов, которые медленно уходили вниз и под давлением превращались в конгломерат. – Фетан остановился и указал в сторону движения в грунте, от которого заколебались пурпурные листья ревеня, так что с их нижней стороны, подобно серебряным монетам, посыпались дисквидные слизи. Почва вздыбилась, и на мгновение показался острый конец раковины трикона, тут же снова исчезнувший в земле. – Трудолюбивые создатели почвы! Местные жители могли бы нажать состояние, экспортируя триконов и связанные с ними экологически чистые технологии для проектов землеустройства. Разумеется, это совершенно невозможно, пока у власти Теократия.

– Вы рассказывали о подполье, – напомнила Эльдина.

"Раз ты наполовину машина, мог бы не перескакивать с одного на другое".

– Ах да. – Фетан осмотрелся и направился туда, где было еще больше тростника. – Под мелом идут слои известняка – вероятно, след древних предков трикона – с включениями базальта и обсидиана и других вулканических пород. Знаешь ли, геологическая история этой планеты удивительна.

– Подполье, – опять напомнила девушка.

– Да, водные ресурсы в этих горных породах тоже заслуживают внимания. Просачиваясь вниз, вода растворяет и выносит известняк, образуя пещеры и подземные реки, пока не достигает глубин, где нагревается геотермальным теплом, чтобы снова вырваться на поверхность в виде горячих источников – это примерно в пятистах километрах отсюда. Есть сети пещер под нами, достигающие в длину тысяч километров, некоторые из них так широки, как космические корабли, – там хватит пространства для целых городов. Вот что такое подполье, и именно туда уже двести лет бегут от Теократии ваши люди.

Миновав заросли тростника, они вышли на возвышение, усеянное пятнами мха и отдельными раковинами триконов, покрытыми сизым лишайником. Эльдина хотела спросить, что такое базальт и обсидиан и как велики космические жилища, но сколь стала вдруг биться о ее тело, а сама она начала задыхаться: воздух словно затвердел, приобретя почти железную крепость.

Они вскарабкались на возвышение и осмотрелись кругом. Справа виднелась покосившаяся землеройная машина с разбитыми окнами и оранжевой от ржавчины поверхностью. Впереди тянулись ряды невысоких деревьев с искривленными черными стволами и желтыми листьями, усеянных узловатыми зелеными плодами. Почва была густо покрыта растительностью настолько яркого зеленого цвета, что вызывала резь в глазах. Виноградник, – пояснил старик.

Девушка знала, что из плодов этих странных растений получали вино для Теократии. Она видела их изображения на этикетках пузатых бутылок, а как-то раз даже попробовала вкусный напиток, украденный подругой по городскому приюту. Зато окружавшая деревья зелень была ей незнакома, и поэтому она указала на нее и выдохнула:

– А это... что...

– Трава.

Девушка обернулась и посмотрела на тростник, а потом подозрительно уставилась на старика. Фетан понял немой намек и кивнул в сторону зарослей.

– Местное растение названо травой из-за некоторого сходства с этой, – он указал на зелень под деревьями, – самой настоящей травой. Ее привезли с Земли те, кто первым прибыл сюда двести лет назад и основал колонию.

Спустившись по склону, они оказались среди виноградных лоз. Эльдина споткнулась, ухватилась за одну из них и медленно осела на землю. Теперь пора – нет сил терпеть. Неохотно она натянула маску аппарата Волюса и сделала глубокий вдох. От струи кислорода голова слегка закружилась, в каком-то полубезытии девушка наблюдала, как Фетан сел перед ней на корточки и расстегнул ее рубашку. Сначала ей хотелось оттолкнуть его руку, как она поступила однажды с нахальным молодым рабочим. Но ведь Фетан старик – и машина. Он просто хочет помочь ей.

Ее сколь сейчас стала почти белой и отчаянно вцепилась в свою хозяйку всеми восемью хитиновыми ножками и головой, на "хвосте" паразита виднелся ровный ряд "листочков" – в каждом по пять детенышей-сколей, родившихся для того, чтобы сосать кровь. Хозяйка Эльдины осторожно отделили бы их и отправили в свинарники, где откормили бы на свиной крови, чтобы затем посадить на нового работника.

– Пожалуй, твоей сколи пришел конец, – заметил Фетан. – Мало того что она сейчас приступила к размножению, так еще Волюс ударил по ней дубинкой. – Пока Эльдина озадаченно смотрела на старика, тот оторвал "листочки" и отшвырнул их в сторону. – Гадины, –

проворчал он, затем достал свою поддельную "сколь" и открыл ее. Девушка заметила, что ее спутник вынул оттуда небольшой пакет, в котором оказалось нечто вроде набора для шитья. Интересно зачем?

– Будет лучше, если мы с этим разберемся сейчас, не откладывая, – сказал он. – Погибающую тварь иногда трудно удалить, и, если от нее в теле человека останется хотя бы крошечный кусочек, могут возникнуть проблемы. – С этими словами Фетан схватился за сколь.

Эльдина отчаянно закричала. Сквозь слезы она видела, как старик стоял со сколью в руках, ее ножки извивались в воздухе, а три питающие трубочки шевелились, будто окровавленные пальцы, а потом швырнул ее в траву.

Глядя на кровоточащую рану в груди, девушка испытывала не только боль, но и смущение из-за своей наготы. Когда Фетан продел нить в иглу и затем склонился над ней, чтобы сшить края раны, Эльдина отвернулась в сторону, думая о том, что лучше всего было бы сейчас потерять сознание. Старик решил отвлечь ее разговорами.

– Знаешь, сколи – это такой же продукт старой биотехнологии, как и сквермы и спроны. Их завезли члены Теократии, когда обустроились здесь.

– Да уж, – простонала Эльдина сквозь зубы.

– Да. Никто уже давно не использует здоровенных и уродливых симбионтов, а ведь эти твари наполовину укорачивают жизнь. – Он заметил удивленный взгляд девушки. – А ты ведь и не знала об этом, верно?

– Не знала.

– А ты никогда не задумывалась о том, почему прокторы и духовенство мирятся с неудобствами и пользуются дыхательными приборами?

– Я думала... что это как-то связано с их статусом...

– Ты заблуждалась.

Кормак изучал «Элизиум» на экране челнока и не видел там ни покрытых мягкой зеленой травой полей, ни тем более разгуливающих по ним блаженных счастливых. Станция состояла из множества связанных друг с другом жилищ, нагроможденных вокруг километровых кабелей и распорок, на которых крепились большие улавливающие зеркала плавильных заводов. Предприниматели доставляли сюда астероиды на переплавку, торговали металлами, управляли заводами и, как правило, неплохо зарабатывали на этом – а иногда и нет. То была специфическая зона, где граница Правительства размывалась под натиском местных обитателей. Здесь был установлен рансибль, по этой-то причине Кормак и прилетел сюда, хотя, по мнению здравомыслящих людей, место относилось к числу тех, куда можно было отправиться только на свой страх и риск. Да и жалоб отсюда поступало не много: намерения того, кто вздумал бы пожаловаться, быстро пресекались кем-нибудь из владельцев заводов.

– Есть мнение, что станция должна быть уничтожена, – сказал Сенто.

Кормак смотрел на голема, пилотировавшего челнок, в очередной раз поражаясь его совершенству. Ему сказали, что он будет иметь дело с копией Сенто. Но ведь после событий на Виридиане подлинный Сенто стал хранителем латунной руки, которую он вывернул у машины-убийцы, мистера Крана, а у этого Сенто такого трофея не было. Эйден выглядел точно так же, как и при их последней встрече, но и он тоже был копией.

– Таких мест, как это, хватает в зоне Правительства, – возразил Кормак, – просто тем, кому они не нравятся, не стоит там бывать.

– А мне здесь нравится, – заметил сидевший позади пилота Гант.

Кормак покосился на него и на Эйдена.

– Тебе – да, – сказал он. – Не сюда ли вы с Торном любите приезжать в отпуск? Немного развлечения в виде насилия, но без летального исхода, и столько спиртного, что его бы хватило, чтобы утопить этот челнок.

– Хорошие были деньки, – вздохнул спаркинд.

Усмехнувшись, Кормак вновь обратился к экрану. Сенто вырубил корабль к конгломерату построек под цилиндрической башней колоссального металлургического предприятия. Позади него виднелся старый корабль-захват, сжимавший в огромной керамалевой клешне целую гору – так происходила транспортировка астероида. Кормак знал, что астероид доставят к одному из многих спутников-печей, где на него нацелят солнечный свет посредством сфокусированных зеркал. Автоматическое оборудование спутника последовательно извлечет из разогретого астероида полезные материалы по мере достижения им определенной температуры плавления или кипения. Здесь получали все элементы Периодической системы, а шлак и пепел астероида, если таковой оставался, использовали для изготовления почвы для поселений. После плавки слитки и резервуары с полученными веществами транспортировались от спутников-печей на рафинационные заводы, чтобы превратиться в металлы, сплавы и чистые кристаллы для электроники, в сложные и композитные материалы – словом, в любые виды продукции, необходимые для различных технологий.

Вскоре среди сооружений заметно выделилась постройка, похожая на огромную монету, вокруг которой роились межсистемные и внутрисистемные корабли. Имелось множество мультисферических разновидностей – эти корабли состояли из различного числа соединенных сфер, – а также судов, внешне напоминавших каракатиц или барочные скульптуры. Были и корабли, словно скопированные с транспортных средств разных этапов истории техники: самолетов, ракет, один даже походил на старинную галеру.

– Да, тут есть образцы на любой вкус, – заметил Гант. Сенто провел челнок через этот рой к одному из причалов. Кормак между тем искал на экране "Бритву кама" и с удовлетворением отметил, что ее прекрасно видно. Причиной, по которой крейсеру не разрешили пришвартоваться здесь, был его огромный размер. Если бы он присоединился к этой "толпе", даже одного небольшого маневра хватило, чтобы смять несколько маленьких судов. Впрочем, Ян сомневался в правдивости этого объяснения, его раздражало, что кто-то имел право приказывать военному кораблю Правительства находиться на расстоянии от своего логова.

Когда челнок медленно проскользнул в гавань сквозь мерцающее поле, Сенто недовольно фыркнул.

– Какие-то проблемы? – спросил Ян.

– Мне только что сообщили, сколько нам придется заплатить за пользование этой гаванью.

– Наверно, в десять раз больше обычной платы, – предположил Гант. – Мы не из тех, кого здесь примут с распростертыми объятиями.

Торн и Стэнтон бежали по аппарели, ведущей к катамарану, со всех сторон к ним спешили люди, но в темноте не так-то просто отличить своего от чужого. Однако замешательство во вражеском стане длилось не слишком долго, поскольку в какой-то части баржи включился еще один запасной генератор и вспыхнул прожектор осветительной мачты. Луч прожектора выхватил из темноты пространство вокруг каюты Брома, прошелся по палубе и поймал обоих беглецов.

– Швартовы, – невозмутимо указал Стэнтон.

Торн схватил ближний канат и отцепил его от швартовой тумбы, тем временем Стэнтон высвободил второй канат. Затем он вскочил на борт катамарана, пока Торн отвязывал последний швартов. Кто-то на палубе наконец решил, что кричать бесполезно, последовал удар по канату, за который держался Торн, но он успел прыгнуть с причала на одно из полозьев катамарана и вцепился в пиллерс, поддерживавший надстройку. В это время запустились двигатели, и судно отчалило от баржи. Патран кинулся к трапу, ведущему в надстройку, но проскользнул из-за того, что снаряды пробили отверстия в полозе, и едва не свалился в воду, в послед-

ний момент схватившись за перила трапа. Его ноги еще оставались в воде, когда он обернулся взглянуть на быстро удалявшуюся баржу и заметил, что одна из ее боевых башен поворачивалась в сторону катамарана. Яркая вспышка – и башню разнесло взрывом.

Люди Брома с причала открыли шквальный огонь из ручного оружия, другие тем временем устанавливали тренажер с ракетной установкой. Торн оценил свои шансы подняться в кабину чуть выше нуля, но оставаться здесь, внизу, было не менее рискованно. С задней стороны корпуса послышался глухой хлопок, и черный предмет цилиндрической формы полетел в сторону баржи. Последовавший затем взрыв разрезал причал пополам.

– Вы собираетесь подниматься сюда или нет? – крикнул Стэнтон.

Наконец Торну удалось выбраться сначала на полоз, а затем подняться по трапу.

Надстройка катамарана в виде цилиндра стандартного образца состояла из трюма и кабины с тремя креслами управления. Торн сначала оказался в трюме и поспешил в кабину, хотя по пулевым отверстиям в стенах сразу уяснил, что вряд ли будет чувствовать себя здесь в безопасности.

Джон Стэнтон вел судно в открытое море, он взглянул на Торна и кивком указал ему на соседнее кресло. Застегивая ремни крепления, агент обратил внимание на то, что вращающимся рычагом, торчавшим из вертикальной панели управления, как и ручкой, поворачивающей прицел, можно было пользоваться с любого сиденья.

– Довольно просто, – пояснил Джон. – Раньше это соединялось с гарпуном, но я заменил его боевыми зарядами. Есть двенадцать тепловых самонаводящихся, три кассетных и три противоракетных заряда. Используйте их с толком.

Торн привел панель в готовность и установил прицел перед собой так, чтобы он плотно прильнул к лицу. Вот и баржа во всей красе! Нажимая кнопки поворота, он наблюдал, как этот вид повернулся на девяносто градусов, в то время как пусковая установка на корме катамарана тоже вращалась. Откинув голову, он на мгновение увидел небо, а затем повернул установку так, чтобы баржа снова появилась на экране.

– За нами гонятся АТМ, – сообщил он Стэнтону.

– Их только три, большинство из них поспешили скрыться, – невозмутимо заметил тот.

Управляя курсором видеоискателя, Патран вызвал меню и пролистал его. Добавленные Стэнтоном к нему три пункта – "тепловой", "кассетный" и "противоракетный" – выделялись особым шрифтом. Он уже собрался выбрать один из вариантов, как вдруг услышал знакомый голос:

– Это вы, агент Торн?

Найти нужную строчку меню не составило труда, и в углу экрана появилось лицо Тернан. Нацелив пушку на один из приближавшихся антигравомобилей, он выбрал "тепловой" и выпустил снаряды, с удовлетворением наблюдая за тем, как женщина исчезла с экрана, а три машины пропали из виду. Тем не менее вражеские противоракетные снаряды отразили нападение.

– Когда, Джарв? – спросил Стэнтон в микрофон на запястьи.

– Семь минут, – ответил женский голос.

– Почему так долго?

– Запретная зона – тысяча километров. Я была наготове с тех пор, как ты добрался до баржи, но, видимо, осложнения связаны с появлением там твоего друга.

– Вмешательство со стороны Правительства?

– Само собой. Когда сбили тот военный самолет, целый рой ринулся со стороны Гордонстона. А когда вышел из строя генератор, два внутрисистемных корабля стартовали с Цереба. Они отстают от меня на каких-то три минуты.

– Прекрасно, – пробормотал Стэнтон.

Торн принял к сведению услышанное, продолжая внимательно следить за преследовавшими судно антигравомобилями. Их уже было семь, и катамаран не мог равняться с ними в скорости даже при запущенных на полную мощность двигателях. Поймав семь белых точек, соответствовавших выпущенным в катамаран снарядам – на экране они тотчас же превратились в мигающие квадраты, – агент 1ДСБЗ выбрал "кассетный" и открыл огонь, одновременно выпустив и противоракетный снаряд. Три снаряда разорвались, распространяя облака светящейся пыли, а оставшиеся четыре продолжили движение к цели. Противоракетный снаряд распался на сотни осколков. Две ракеты детонировали, но еще две пробились вперед.

– Нам не протянуть семь минут, – заметил он, отправляя в противника один из двух оставшихся противоракетных снарядов.

Взрывы произошли в такой близости, что едва не сбили катамаран с курса, а шрапнель градом осыпала кабину. Торн сдвинул видеоискатель в сторону как раз вовремя, чтобы заметить реактивный снаряд, летевший им вслед по кромке волн и детонировавший прямо в воде.

– Семь АТМ. По-видимому, на всех есть пусковые установки.

– Джарв, мы сматываемся, – сообщил Стэнтон. – Торн, расходуй весь запас. Уходим!

Выбрав курсором меню все оставшиеся снаряды, Патран забарабанил по пусковой кнопке. Потом он снял с лица видеоискатель и потянулся к креплению ремней сиденья. Стэнтон уже выходил из кабины в трюм, когда он в конце концов справился с ремнями.

Вскоре уже оба бежали к заднему входному люку, а в трюме с лязгом поворачивался барабан пусковой установки, и было слышно, как одна за другой вылетали ракеты. Следуя за Стэнтоном вниз, Торн видел водяную пыль, вздымавшуюся облаком из-под полозьев, разрезавших верхушки волн. Оба одновременно прыгнули. Летя с той же скоростью, что и катамаран, Торн ударился о воду, словно о бетон, и его тело отскочило от ее поверхности. В следующий момент он вошел головой в белую пену гребня волны. Появившаяся во рту горечь – Патран все-таки глотнул воды – свидетельствовала о наличии солей меди. Вынырнув на поверхность, он обнаружил катамаран уже в пятидесяти метрах от себя, его пусковая установка еще продолжала отправлять ракеты. В следующее мгновение снаряд угодил в катамаран, и надстройка сразу исчезла в оранжевой вспышке. Оторванный взрывом полоз взлетел вертикально вверх, завис в воздухе, подобно дельфину в прыжке, и рухнул. Оставшийся полоз с еще работавшим двигателем устремился вперед, оставляя за собой дымящиеся обломки.

– А мы вовремя. – Голос Джона донесся откуда-то сзади.

Торн обернулся к нему, а затем бросил взгляд в сторону появившихся в поле зрения антигравов. Вскоре семь машин настигли обломки катамарана. Одна из них выпустила ракету, и с обломками было покончено. Затем преследователи принялись рыскать вокруг.

– Дерьмо! – выругался Торн. – Думаете, они сообразили, что мы выскочили?

– Возможно, – ответил Стэнтон.

Агент ЦСБЗ с тревогой взглянул на него и набрал воздуха в легкие, собираясь нырнуть в море, как вдруг с неба послышался грохот, а затем рев, наверняка издаваемый каким-нибудь огромным чудовищем. Антигравомобили разлетелись в стороны, как испуганные вороны, и Торн увидел, как над его головой завис трехсферный корабль, из нижнего люка которого свисали канаты.

Выйдя из челнока, Кормак с удивлением осмотрелся. Почему в гавани так пусто? В этом огромном пространстве хватило бы места для многих кораблей, и, судя по их количеству снарядов, желавших где-нибудь пристать вполне хватало. Но сейчас здесь находился только их челнок.

Агент уже начал подозревать, что тут что-то не так, как вдруг увидел весьма колоритную группу – эти люди только что покинули одну из подъемных платформ в глубине причала.

Двое мужчин в серых деловых костюмах и черных очках с интенсификаторами и с импозантными, сверкавшими хромом модулями следовали впереди солдат в светлой боевой униформе. У солдат, конечно же, имелись и модули, и специальные переговорные устройства, а также импульсные ружья. Обогнув группу встречавших слева и справа, вперед выдвинулись два больших вертикальных полированных цилиндра – то были тяжеловооруженные дроны, новейшая военная разработка. Даже на борту "Бритвы Оккама" не имелось ничего подобного.

Ян оглянулся и заметил, что бронированные ворота гавани уже смыкались. Он на всякий случай активировал сюрикен, а трое сопровождавших его големов приблизились к нему.

– Вероятно, хотят получить плату за пользование гаванью, – сказал Гант, обращаясь к Сенто.

Кормак взглянул на Ганта.

– Кто они такие?

– Здесь насчитывается сотня частных армий на службе у разных корпораций. Скорее всего, это секьюрити "Элизиума" – все корпорации выделяют определенный процент своих сил для поддержания общей безопасности.

– Однако у них серьезное вооружение. – Ян кивком указал на дронов.

– Это корабельные дроны, построенные для Службы безопасности Земли, – заметил Эйден.

Кормак повернулся к нему:

– Установили с ними связь?

– Они довольно... немногословны, – ответил голем. Дроны приблизились первыми и остановились, затем приняли горизонтальное положение и навели оружие на прибывших. Кормак обратил внимание, что у каждого дрона имелись ракетная установка и антифотонное вооружение. Очевидно, тот, кто направил эту делегацию, не хотел рисковать. Солдаты выстроились поодаль, тогда как два предводителя подошли к Кормаку и остановились на расстоянии пяти метров. Тот, что стоял справа, лысый, крепко сбитый, с кожей цвета оранжевого сыра, внимательно уставился на агента и его товарищей.

– Добро пожаловать в "Элизиум", – произнес он.

– Любопытно, что вы встречаете нас этими словами. – Кормак кивнул на дронов. – Я почему-то не ощущаю особого гостеприимства.

– Мы всегда проявляем осторожность, – сказал мужчина. – Особенно если нам наносит визит крейсер ЦСБЗ. Что привело вас сюда?

Его спутник – он был заметно ниже ростом и не столь крепко сложенный, с длинными черными волосами, спускавшимися на плечи, – осклабился, показав хромовые зубы.

– Лоне всегда немного резок. Но вам следует помнить, что у многих обитателей "Элизиума" есть интересы, которые приходится защищать. – Он слегка подался вперед и протянул руку, которая оказалась влажной от пота. – Альвор, – представился он.

Лоне последовал его примеру.

– Ян Кормак.

Лица обоих встречавших сразу напряглись, но брюнет быстро нашелся:

– Польщен тем, что именно вы изъявили желание посетить нас. Не возражаете, если мы проводим вас? – И он указал в сторону подъемной платформы.

– Думаю, вы не вполне правильно истолковали цель моего визита. Я здесь только потому, что "Элизиум" оказался единственным пунктом на моем пути, оборудованным рансиблем, – пояснил Кормак.

– К сожалению, я отнюдь не тот, кому вам стоит подробно объяснять цель своего визита. – Теперь Альвор окинул взглядом големов. – И еще: мне очень жаль, но из соображений безопасности вашим друзьям придется подождать вас здесь.

Кормак поднял руку, чтобы остановить Ганта, вознамерившегося высказать протест, и уточнил:

– Кому я должен объяснять свою цель и о какого рода "соображениях безопасности" идет речь?

Ему ответил Лоне:

– У нас нет предубеждений против големов – но только в том случае, если они не прибыли с крейсера ЦСБЗ. Эти вызывают у нас подозрения.

В свою очередь, Альвор пожал плечами и добавил:

– Дрейден вправе неуютно чувствовать себя в подобной компании.

– Дрейден? – переспросил Кормак. Темноволосый пристально посмотрел на него, прежде чем продолжить:

– Наш работодатель вот уже несколько лет фактически управляет "Элизиумом" – и ЦСБЗ это должно быть хорошо известно.

– Но не мне, – парировал Кормак. – Как я уже сказал, мое присутствие здесь объясняется только расположением этой станции – и более ничем. И я не обязан помнить по именам всех мелких автократов, которые сотнями появляются и исчезают на границе зоны Правительства. – Оба собеседника нахмурились при этих словах, что отнюдь не смутило Яна. – Я все же пойду с вами, чтобы встретиться с Дрейденом, но тем временем мои товарищи займутся непосредственным выполнением задачи, которая и привела нас сюда.

– Вы уверены, агент? – спросил Ганг. Кормак взглянул на него.

– Если я не вернусь к тому времени, когда вы будете готовы, и не выйду на связь... тогда вы знаете, как поступать. – Он сурово посмотрел на двух обладателей серых костюмов. – Не сомневаюсь, что капитан Томалон ждет не дожидается, чтобы проверить свое вооружение в Действии.

– Жаль, но Дрейден против, чтобы големы ЦСБЗ разгуливали по станции без присмотра, и потому они должны остаться здесь, – сказал Альвор.

– И как вы намерены заставить их остаться здесь? – поинтересовался Кормак.

Покосившись на двух огромных дронов, коротышка поморщился, словно ему было очень неприятно напоминать об их присутствии.

– Позвольте мне высказать свои соображения, – продолжал Ян. – Неужели Дрейден способен уничтожить големов ЦСБЗ без всяких на то законных оснований, а лишь из-за собственной паранойи? Если они всего лишь намерены приблизиться к установке рансибля и подождать чьего-то прибытия?

Альвор приложил палец к своему модулю, очевидно получая дальнейшие инструкции.

– Чьего прибытия? – спросил он после паузы.

– Не то чтобы это вас касалось, но... прибытия одного ученого, и это все. – Кормак едва сдерживал раздражение.

Длинноволосый человек невозмутимо продолжал:

– Если это их единственное намерение, тогда вы, видимо, не станете возражать, чтобы они находились под присмотром?

– Не возражаю, если больше не будет задержек, – согласился Кормак. Затем, обращаясь к своим спутникам, добавил: – Без эксцессов. Этой станцией мы еще займемся... в свое время.

Ян направился к подъемной платформе. Солдаты расступились, пропуская вперед своих предводителей, и вновь сомкнули ряд, затем двинулись за ними. Дроны остались возле големов – очевидно, людей-солдат сочли достаточным караулом для троицы.

Между тем Альвор ввел код, дотронувшись до консоли возле платформы, затем ступил вперед, и радужное гравитационное поле унесло его вверх. Кормак последовал за ним.

Каждый раз, когда платформа миновала очередной этаж, он чувствовал знакомое легкое потягивание. После тридцати повторений подобного ощущения Ян решил, что уже нахо-

дится в верхней части станции. Наконец подъем прекратился, и агент, сопровождаемый только Альвором и Лонсом, ступил в просторный зал. Пол помещения был выложен перемежающимися белыми и полупрозрачно-красными плитами – вероятно, из алебаstra и искусственного рубина. С потолка на тяжелых кабелях свисал сторожевой дрон стандартного дизайна, но с антифотонной оснасткой, прикрепленной к его нижней части. Он следил за происходящим матово-черными визуальными рецепторами. Обернувшись, Кормак увидел, что платформа вместе с находившимися на ней солдатами устремилась вниз. Несомненно, Дрейден уже не нуждался в них, так как посетитель сейчас находился в пределах действия внутренней системы безопасности.

У высоких деревянных дверей Альвор остановился и произнес:

– Ваше оружие.

Кормак вытащил пистолет и протянул его Альвору. Пока тот осматривал его, Кормак отстегнул футляр с сюррикенами. Озадаченно подняв брови, коротышка изучил и это оружие, затем отправил его в карман.

– Очень интересно, – обронил он, прежде чем двинуться дальше.

За дверью оказался стеклянный люк, сквозь который просматривалось помещение с огромным куполом из шестиугольников чейнгласса; сюда проникал солнечный свет, отражаемый зеркалом, которое было закреплено на пилоне в верхней части станции.

Люк с тихим шипением открылся. Оказавшись внутри, Ян почувствовал, что из-за влажной атмосферы оранжереи на его теле почти мгновенно выступил пот. Повсюду Росли экзотические растения: саговники, папоротники, орхидеи, цианиды с похожими на лезвия мачете синими листьями, чьи раскрывшиеся бутоны поражали своими размерами. Замысловатые желтые спирали в середине цветков чем-то напоминали мозговые извилины. Тихий треск переключил внимание Кормака налево – медленно открылась круглая серая семенная коробочка плазодерма, испустив червеобразное желе, в слизи которого находились споры. Увидев этот образец куллорумской флоры, агент ЦСБЗ заподозрил неладное. Однако подобные растения мог приобрести любой коллекционер, так что чрезмерную подозрительность проявлять не стоило.

– Дружище Дрейден интересуется ботаникой, как я вижу? – как бы между делом спросил он.

– Да, – буркнул Лоне.

– Доннегал Дрейден слыл экспертом в области биомеханики, ботаники, лингвистики и политических наук еще до того, как он сосредоточился на металлургии, создав "Альянс металлургов", – сообщил Альвор, явно цитируя какую-то статью.

Затем, сделав приглашающий жест, он направился вверх по боковой спиральной лестнице. Лоне поднимался последним, не скрывая раздражения.

Лестница заканчивалась площадкой, на которую выходила единственная дверь. Оказавшись в роскошно обставленном помещении круглой формы, Кормак сразу оценил богатую коллекцию древностей, собранных здесь: среди прочего был даже дорансибельный компьютер, стоявший на раздвижном столике в стиле Людовика XIV. Уже потом он обратил внимание на мужчину, сидевшего в углу за довольно примитивным пультом у небольшого экрана. Внешне он напоминал одного из коллег Альвора и Лонса, однако, приглядевшись повнимательнее, Кормак заметил, что его деловой костюм был гораздо более высокого качества, то же самое можно было сказать о модуле.

Незнакомец был худощавым, с острыми чертами лица, и тени под покрасневшими глазами выдавали усталость. Его движения казались порывистыми и неуверенными, как у человека, недавно принявшего какое-нибудь сильное лекарство. Встав, он взял сигарету из ящичка на соседнем столе и постучал ею о напульсник, затем зажег ее с помощью маленькой лазерной зажигалки, встроенной в массивное кольцо на указательном пальце.

– Ян Кормак, – произнес он. – Я знал, что этот день когда-нибудь наступит, но не предполагал, что так скоро.

– Сегодня? – уточнил Кормак, проходя в комнату, тогда как Альвор и Лоне замерли у двери.

– Выпьете? – Дрейден указал на бар.

Кормак выдержал паузу и кратким кивком дал согласие. Он смотрел, как Дрейден наливал виски из хрустального графина, затем добавил в стакан радужные шарики галлюциногенного льда. Взяв протянутый ему напиток, Кормак уже не испытывал желания попробовать его.

– Знаете ли, у меня ушло два года и около биллиона новокарфагенских шиллингов на обустройство станции. – Дрейден опустил в мягкое кресло.

Кормак сел напротив хозяина – на диван – и поставил стакан на кофейный столик, верхняя часть которого представляла собой отполированную плиту турмалина, добытого из астероида, благодаря которому Дрейден и нажил свой первый биллион. Во всяком случае, об этом сообщал голографический текст внутри кристалла.

– И какое отношение это имеет ко мне? Дрейден с удовольствием затянулся сигаретой.

– Вы из Службы безопасности, и не стоит убеждать меня в том, что ЦСБЗ не имеет намерений прибрать к рукам "Элизиум".

– Может, и так, но это не имеет отношения к причине, по которой я здесь.

Его слова явно не рассеяли подозрений Дрейдена, и он продолжал:

– Да будет вам известно, что благодаря созданной мной системе безопасности уровень преступности здесь ниже, чем в зоне Правительства, а стандарты жизни очень высоки. По правде говоря, выше, чем во многих мирах, находящихся под его юрисдикцией.

– Достоин восхищения, – сухо заметил Кормак.

– Если ЦСБЗ вторгнется на станцию, погибнет много людей. Они будут сражаться, чтобы не допустить вас сюда, так как довольны существующим положением вещей.

Ян провел стаканом по поверхности турмалина. Текст свидетельствовал: крупнейший металлургический комплекс "Элизиума" принадлежал Дрейдену, и за один день здесь производился миллион тонн астероидной стали. Хотя это и впечатлило агента, он все же чувствовал раздражение по отношению к собеседнику.

– Вы меня явно не слушаете. Я здесь не ради завоевания вашей маленькой империи, Дрейден. Хотя я могу пересмотреть свои планы, если мне и дальше станут чинить препоны.

Дрейден встал, и Кормак заметил капельки пота у него на лбу. Он заметно нервничал – от злости или от страха? – и попытался сказать как можно более безразличным тоном:

– Я хочу вам кое-что показать.

Сдерживая нетерпение, Кормак пошел за ним. Другая винтовая лестница привела их на площадку под самой стеклянной крышей. Воспользовавшись люком, они оказались в стеклянной башенке, поднявшейся над крышей. С ее смотровой площадки открывался великолепный вид на "Элизиум". Дрейден указал на корабли, собравшиеся у причалов, и дальше – туда, где за ними отчетливо виднелась "Бритва Оккама".

– Крейсер огромен, но он вряд ли весит больше, чем астероиды, которые мы регулярно доставляем сюда, – заметил он, а потом указал на жилые и заводские комплексы, почти сплошной стеной расположившиеся неподалеку. – Положение на границе дает нам возможность пользоваться многими преимуществами. И мы не хотим ничего менять, а также раздражать вас, давая приют преступникам, как и не стремимся стать полноправными членами Правительства.

– Так в чем проблема?

Дрейден указал на огромные солнечные зеркала.

– Они под моим полным контролем. Капитаны транспортирующих астероиды кораблей арендуют их у меня, как и те корпорации, которые владеют несколькими металлургическими спутниками.

Кормак молчал, ожидая, пока Дрейден выскажется яснее. Уже подозревая, куда тот клонит, агент ЦСБЗ хотел, чтобы позиция собеседника была четко обозначена.

Тот продолжал:

– Сменить фокус тех зеркал – дело одной минуты. Вам отсюда не видно, но они образуют круг, и каждое согласуется с соседним в течение секунд. Они могут покрывать все возможные подступы к нашему... сообществу.

– Очень ловко. Выходит, вы хорошо защищены на случай, если сюда залетит какой-нибудь случайный... астероид, – с сарказмом заметил Кормак.

Дрейден бросил окурок и ногой отправил его вниз. Сделав глоток виски, он внимательно посмотрел на своего гостя.

– Чтобы плавить астероиды, мы даже не используем полный фокус. Иначе астероид мог бы испариться и уничтожить печи. При полном фокусе можно достичь температур, достаточных для запуска термоядерной реакции – если создать соответствующие условия. Нет никаких материалов, способных выдерживать это, и никаких технологий с применением полей, которые могли бы ей противостоять.

Кормак подошел к стеклянной стене и взгляделся в "Бритву Оккама". Предупреждение Дрейдена прозвучало предельно ясно, но не имело абсолютно никаких оснований, если иметь в виду точку зрения ЦСБЗ в отношении "Элизиума" – во всяком случае, насколько Кормак знал ее.

Помнится, – начал он, продолжая смотреть сквозь стекло, – здесь насчитывалось двести миллионов человек. – Теперь он повернулся лицом к Дрейдену. – Служба безопасности вовсе не заинтересована... или вы хотите цифр? ИР рассчитали, что потери в случае нападения могут составить около двадцати процентов населения. И ради чего? – Он махнул в сторону ближайшего гигантского металлургического комплекса. – Вся инфраструктура, видимо, будет разрушена, и Правительство может столкнуться с потоком беженцев в десятки миллионов человек. Плавающие печи и зеркала тоже могут выйти из строя, так что выгода в результате будет сведена к нулю. А ведь большая часть произведенного здесь сбывается в зоне Правительства, а большая часть вырученных денег расходуется на закупки товаров опять-таки в ней. Дрейден, я прибыл сюда с другой целью.

По глазам своего собеседника Ян понял, что тот никогда не поверит его словам, так как очень боится ЦСБЗ, а потому не испытывает доверия к ее агентам. Его опасения были вполне понятны: Правительство без колебаний поглощало миры, если это служило интересам его населения, и из этих же соображений миры, подобные империи Дрейдена, разрушались или полностью уничтожались.

– У меня больше нет времени. – Кормак направился к люку.

– Как вы предполагаете использовать Мейку Асселис? – неожиданно спросил Дрейден.

Уже спускаясь по лестнице, Ян обернулся и ответил:

– В качестве эксперта. И мы улетаем вместе с ней, имейте это в виду.

– До свидания, раз вы нас покидаете. – Дрейден залпом допил остаток виски. – Может быть, вы передадите своим, что впредь появление военных кораблей Правительства приветствоваться не будет.

– О, я обязательно передам.

«Джарвеллис, пожалуй, самая обольстительная женщина, какую я когда-либо встречал», – подумал Торн.

У нее были длинные прямые черные волосы, вызывающе самоуверенное выражение лица, словно она собиралась сказать вам какую-нибудь дерзость, и фигура, особенно эффектная в антигравитационном костюме. А еще Джарвеллис была без памяти влюблена в Джона Стэнтона, а он – в нее, Патран уловил это в первом же взгляде, которым они обменялись.

Застегнув ремни, Стэнтон жестом указал назад в сторону люка и сказал:

– Как вы видели, там грузовой отсек, а другая сфера – это жилое помещение. У нас еще имеются маленький камбуз и мастерская.

Когда Торн тоже пристегнулся в одном из двух антигравитационных кресел позади Стэнтона и Джарвеллис, он вспомнил о содержимом трюма: четыре криококона, вертикально прикрепленные к стене, а также ящики с оружием и другие, не так легко распознаваемые предметы.

– Что мне понадобилось бы, так это автодок, – сказал он, осторожно дотронувшись до сломанных зубов.

– У нас есть, но вам придется немного подождать. Все пульта ДНК закодированы на меня и Джарв. К тому же "Лирик-И" управляется ИР, который склонен еще меньше доверять людям, чем я.

Торн переключил внимание на Джарвеллис, наблюдая, как та выводила "Лирика-П" в открытый космос. Соппротивление атмосферы постепенно снижалось, корабль взлетал с ускорением, и на среднем из трех экранов белесое небо превратилось в сияющее звездами пространство. Тем временем на правом экране видимые размеры планеты быстро сокращались.

– Ох уж эти парни из ЦСБЗ – они за словом в карман не лезут. – Джарвеллис указала на свой наушник.

– И о чем речь? – поинтересовался Стэнтон.

– Ну, – она оценивающе взглянула на Торна, – суть примерно такова: "Оставайтесь на месте и ждите, пока вас возьмут на бордаж", только они пользуются куда более колоритными выражениями.

– Они думают, что вы – беглые сепаратисты, – пояснил Патран. – Разумеется, это не так. Стэнтон обернулся к нему.

– Конечно нет. – И спросил у Джарвеллис: – Как генератор?

Она кивнула:

– ИР рансибля теперь будет направлен на нас, и мы не сможем скрыть от него антигравитационный код.

– Мы можем уйти от них?

– Что за вопрос! – послышался голос из динамика. Нажав на какую-то клавишу панели управления, женщина сказала:

– Думаю, "Лирик" справится с атакой пары ржавых калош ЦСБЗ, не так ли?

– Нисколько не сомневаюсь, – ответил ИР "Лирика-И".

Тотчас же раздался глубокий гул откуда-то изнутри корабля, и экраны, демонстрировавшие окружающую корабль обстановку, побелели. Торн по звуку определил, что только что включилась мощная двигательная установка.

– Да, ругань становится все грязнее, – заметила Джарвеллис. – Вот так. – Она коснулась кнопки, и на одном из основных экранов показался вид Цереба, единственного спутника Чейна III, и двух ближних объектов клинообразной формы, чьи размеры быстро уменьшались. Женщина уверенно нажала несколько клавиш.

– А теперь скажи, как нам быть с твоим другом? Стэнтон не успел ответить, как Торн в свою очередь задал вопрос:

– Вы собираетесь преследовать этого пресловутого дьякона, как я понимаю?

– Да, – ответил Стэнтон, и его лицо приняло то жесткое выражение, какое, Патран успел заметить, появлялось при любом упоминании об Абериле Дорте.

– Тогда позвольте мне отправиться с вами. Та баржа внизу скоро превратится в риф, если уже не превратилась, так что моя миссия здесь уже завершена.

– А почему вы хотите составить нам компанию? – поинтересовалась Джарвеллис.

– Кто бы ни был тот парень, он поддерживал чейнских сепаратистов, и мне бы хотелось побольше узнать об этом. – Мы не работаем на ЦСБЗ, – заявила она.

– К тому же Служба безопасности назначила награду за нашу поимку, – добавил Стэнтон.

– Не намерен претендовать на нее. – Торн пожал плечами. – Вы спасли мне жизнь.

– В самом деле, звучит банально, – усмехнулся Стэнтон. – Если мы попытаемся остановиться на одном из миров или станций, контролируемых Правительством, люди ЦСБЗ накинутся на нас, как мухи на дерьмо, если использовать одно из любимых выражений Брома. Так что мы не сможем высадить вас там, где вы захотите.

– А что касается дьякона... Как вы думаете напасть на его след? – спросил Торн.

– Это не проблема. Он наверняка направится в свою крысиную нору на Масаде. Именно туда мы полетим теперь, и уж там-то я расправлюсь с ним.

– Масада? – переспросил Патран.

– Да, – сказал Стэнтон. – Я расскажу вам о моей родной планете.

Виноградины размером всего лишь с глазное яблоко были жесткими и зелеными; пройдет еще немало времени до того, как они окончательно созреют. Эльдина жевала уже вторую, стараясь не думать о картофеле, орехах и хлебе, а тем более о такой роскоши, как мясо.

– А вы вообще не нуждаетесь в еде? – спросила она, опустив маску и выплюнув зеленую липкую жвачку.

– Немного питательных веществ – иногда, – ответил Фетан, – иначе мой источник энергии слегка перегревается.

Эльдина сдвинула маску на место и теперь говорила сквозь нее. Недавно она обнаружила, что некое приспособление на воротнике препятствовало искажению ее голоса.

– А почему вы стали... рабочим? Как вы им стали?

– Я прибыл на Масаду около четырех лет назад по приказу ЦСБЗ, чтобы доставить кое-какие приборы и оценить складывающуюся здесь ситуацию. Исследования длились примерно два года, в результате я узнал кое-что о подполье и установил с ним контакты. С тех пор я работал для Леллан Стэнтон – она руководит подпольем, – собирал сведения о положении рабочих, изучал их настроения...

– И что вам удалось выяснить?

– Пойми, девочка, ЦСБЗ не послала бы меня сюда из праздного любопытства. Когда наступит время, эта планета станет частью территории Правительства, нравится это Теократии или нет.

– А когда наступит нужный момент? Почему эта несправедливость сохраняется так долго?

– Из политических соображений. Правительство держит под контролем миры на своей границе, поглощает их с согласия восьмидесяти процентов населения, или в случаях, когда внутренняя ситуация в этих мирах выходит из-под контроля и население взывает о помощи. Если ЦСБЗ направит сюда десант военных кораблей и сметет Теократию, это может устроить остальные миры, и этот страх сплотит их против Правительства. В последний раз, когда были применены крайние меры, нарушилось равновесие в одном из миров, который недавно присоединился к Правительству. Его жители восстали против так называемого "самодержавия ИР", власть захватили сепаратисты, и население было втянуто в войну против ближайшего соседа, давнего члена Правительства. Так что сама видишь: мы должны соблюдать осторожность.

– А что случилось... с теми двумя воевавшими мирами? – решила уточнить Эльдина.

– Ну, ЦСБЗ была вынуждена защитить мир, входивший в Правительство. Таков договор.

– А другой мир?

– Он еще обитает – на полюсах.

Эльдину, несмотря на юный возраст, отличали здравомыслие и определенный скептицизм, может быть, именно поэтому Фетан обратил на нее внимание. Девушка не скрывала, что не верит его историям, но очень хотела, чтобы они были правдой. И все же она запоминала многое из того, что он ей рассказывал, и уяснила, что Правительство должно лишь убедиться в несправедливости происходящего здесь, чтобы натравить ЦСБЗ на Теократию.

– Когда же здесь появится ЦСБЗ? – спросила она.

– Когда восемьдесят процентов населения проголосует за это, или же здесь произойдет политическая катастрофа, которая потребует внешнего вмешательства, – суровым тоном произнес старик.

– Но как мы можем голосовать? Фетан взглянул на нее.

– А ты хочешь, чтобы власть здесь перешла к Правительству?

– Ну конечно! Все, что угодно, только не Теократия! Он взял ее за плечо:

– Назови свое имя и объяви мне свою волю. "Что он имеет в виду?"

– Меня зовут Эльдина, и я хочу... чтобы Правительство управляло этой планетой. Я хочу стать свободной. Я хочу...

Фетан успокаивающе погладил ее по плечу.

– Только что ты проголосовала за контроль Правительства над этой планетой. – Он слегка наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь. – Итак, уже больше шестидесяти восьми процентов населения.

– Не поняла...

– Голосование признается действительным при учете данных физиологии, чтобы исключить какое-либо принуждение. Лично я уже собрал пятьдесят три изъявления воли, и тебе будет любопытно узнать, что среди них есть и голоса Дента и Катола.

– Голосование?

– Твой голос, с учетом твоего возраста, будет иметь силу в течение пятидесяти лет, учитывая местную среднюю продолжительность жизни.

– Я никогда не подозревала о существовании подобного голосования, – смущенно заметила девушка.

– Эти голоса запечатлены техническими средствами – через кольцо, амулет, пуговицу рубашки. Ты же понимаешь, как трудно добиться, чтобы кто-нибудь сказал то, что ты сама только что произнесла, да еще под присмотром прокторов и камер Теократии, не спускающих глаз со своих рабов. Большая часть из этих шестидесяти восьми процентов – голоса членов подполья.

– И сколько еще ждать? Старик ответил не сразу.

– Не думаю, что на Масаде это будет зависеть от голосования. Вскоре ЦСБЗ направит сюда своих людей, и все изменится.

– Расскажите мне еще... об этом, – попросила Эльдина, ей не терпелось узнать подробности. И Фетан выполнил ее просьбу.

– «И вот по воле Божьей братец Гудман пришел в страну габбльдаков. То и дело здесь попадались протоптанные в траве тропинки и россыти костей тех, кто не прошел испытания...»

– Габбльдак-баббльдак! – крикнул мальчик, и мать принялась учить его правильно произносить это слово.

Сын должен запомнить эту сказку как часть важной для него мифологии. Прокрутив текст дальше, она нашла изображение существа, припавшего к траве вроде некоего насекомого – многоглазый гибрид Будды и Кали.

– ... Габбльдак, – еще раз произнес ребенок, и мать подозрительно взглянула на него, прежде чем продолжить:

– "В правой руке братец Гудман держал "Слово Божье", а в левой – "Мудрость Зельды Смита". Кроме книг и веры, у него не было другого оружия против чудовища.

– Спроси у меня, что захочешь! – воскликнул он, подняв вверх обе книги.

Тут габбльдак, скрестив многочисленные руки на трех-кильной груди, уставился всей своей батареей зеленых глаз на смиренного братца.

– Скаббл-баббл – тебе конец, – сказала чудовище, и братец Гудман не нашелся что на это ответить".

Женщина рассмеялась, когда на картинке огромное чудовище нагнулось вперед и открыло клюв, обнажив белые зубы, похожие на листья падуба.

– Догадайся, что было дальше? – спросила она.

Тоже смеясь, хотя и не вполне понимая почему, мальчик недолго думал над ответом. На картинке и так все было видно.

«Бритва Оккама» была мрачноватым и неудобным кораблем. Присутствие многочисленной команды и вспомогательного состава почти не ощущалось, коридоры всегда поражали пустотой, и нередко случалось, что какой-либо нужный в данный момент электрик или врач оказывался на расстоянии двух километров от капитанского мостика.

Каюта была просторна, комфортабельна и практически ничем не отличалась от номера шикарного отеля, но все равно походила на комнату в заброшенном особняке. Стоя перед экраном, заменявшим окно, Кормак потягивал виски с кубиками настоящего льда – не галлюциногенного, потому что Дрейден предлагал ему убийственную комбинацию, – и смотрел на "Элизиум", а также на огромную звезду-солнце, вокруг которой он вращался. Ему не терпелось заняться делом, но предстояли еще месяцы – по корабельному времени, – чтобы достичь места назначения. Не в силах унять свое нетерпение, Ян проглотил остатки напитка, поставил стакан в распределитель и направился к двери.

Хотя казалось, что на корабле царит покой, это было обманчивым впечатлением. До Кормака доносилось эхо далеких звуков: где-то шипел сварочный аппарат, с грохотом передвигали какие-то предметы, гудела лазерная дрель.

Ян посмотрел на часы и убедился, что прошел лишь час с тех пор, как они покинули "Элизиум". Пожалуй, пока не стоит беспокоить Мейку – ей едва хватило времени обустроиться в своей каюте, так как ее ждали в корабельной лаборатории судебной медицины. Ему есть о чем подумать, а это всегда лучше получалось во время прогулки.

Кормак двинулся вперед и спустя несколько минут понял, что покинул жилой отсек: палубное покрытие отсутствовало и виднелись гравитационные плиты, а прозрачные стены позволяли рассмотреть переплетения проводов и оптических кабелей, труб и металлических балок, плазмопроводов, часто сплетавшихся в своеобразные "осиные гнезда" для обеспечения работы какого-нибудь узла. Пару минут он недоуменно изучал нечто, по форме напоминавшее сиднейский оперный театр, но затем этот вид скрыла огромная плита.

Он уже десять минут бродил по кораблю, как вдруг словно из ниоткуда появился дрон со стрелоподобной головой без видимых манипуляторов, так что его назначение невозможно было определить.

– Как кратчайшим путем пройти к капитанскому мостику? – спросил Ян, когда стало ясно, что дрон не собирается замедлять движение и равнодушно пронесется мимо, не заинтересовавшись им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.